

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ СУМСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА
СУМСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
СУМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ УКРАИНСКОГО
ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

Проблемы Археологии Сумщины

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
ОБЛАСТНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

**УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ СУМСКОГО ОБЛИСПОЛКОМА
СУМСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
СУМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ УКРАИНСКОГО
ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ**

***Проблемы археологии
Сумщины***

Тезисы докладов областной научно-практической конференции

апрель 1989 г.

Сумы, 1989

Проблемы археологии Сумщины

Тезисы докладов областной научно-практической конференции.

**Редакционная коллегия: Терентьев В. С. (отв. редактор), Приймак В. В.,
Белинская Л. И., Милованова Н. А., Звагельский В. Б.**

**Ответственный за выпуск — Терентьев В. С., директор Сумского краевед-
ческого музея.**

СЕРГИН В. Я.
(Москва)

ОБ ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ

Археологические памятники можно разделить на выделяющиеся в рельефе местности (курганы, отгороженные валами и рвами городища, валы и рвы различного назначения, выступающие на поверхность следы построек, пещеры с археологическими слоями), не имеющие поверхностных признаков (селища, стоянки, грунтовые могильники, культурные слои в городах и пр.) и обнаруживаемые лишь с помощью аэрофотосъемки следы древних меж, до-рог и т. п.

На Русской равнине археологи изучают фактически лишь первые две группы памятников, тогда как признаки третьей, требующие для распознавания специальных оптических средств и методик, все более исчезают под воздействием глубокой вспашки и других нарушений поверхности. Сохранить эти памятники невозможно, но нужны максимальные усилия для их фиксации в документах.

Что касается памятников первых двух групп, справедливы высказывания о необходимости не только охранять их, но по возможности и не подвергать раскопкам, сосредоточив работы на памятниках, которые разрушаются естественными процессами и хозяйственной деятельностью человека. Памятники, которым не угрожает разрушение, допустимо использовать лишь для экспертных коллективных раскопок с получением детальной всесторонней информации, хотя и такие работы, возможно, уже следует ориентировать на разрушаемые памятники.

Для широкой общественности наиболее важны памятники первой группы — единственные зримые следы далекого прошлого. В отношении их охраны представляет интерес мысль, высказанная некоторыми экологами. Они считают, что для воспитания бережного отношения к природе значительно большую роль, чем крупные единичные заповедники, могут сыграть небольшие охраняемые участки (до нескольких гектаров), которые нетрудно выделить в колхозах и совхозах преимущественно на неудобных для возделывания землях с богатой или своеобразной флорой. Если идея микрозаповедников будет подхвачена, там, где это возможно их следовало бы приурочивать к местам, связанным с какими-либо интересными историческими или легендарными событиями и с памятниками археологии. Вхождение в более широкую охраняемую зону обеспечило бы археологическим памятникам улучшение режима сохранения.

Надежную охрану памятников не осуществить одними административными мерами. Она возможна в связи со значительным развитием краевед-

ческого движения и общего интереса к памятникам. Но чтобы это произошло, необходимо, в частности, уделять различного рода памятникам, включая археологические, больше места в печати. До революции даже уездные музеи выпускали свои труды. Не было бы роскошью в наше время выпускать ежегодные записки областных музеев при участии районных. Важно поощрять и способствовать выпуску краеведческой литературы. Местные газеты могли бы помещать не только разрозненные сообщения о памятниках и находках, но целые подборки, а иногда и краеведческие приложения.

Хозяйственными работами разрушается и нарушается масса памятников, в том числе и находящихся под официальной охраной. Большую помощь в выявлении таких случаев могли бы оказать школьники, которым вовлечение в наблюдение и охрану также было бы серьезным делом. Краеведам нужно заботиться о расширении своих кругов, обращаясь с детьми не только в музеях, но и помогая проводить занятия в школьных археологических и краеведческих кружках.

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ОХРАНЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В УКРАИНСКОЙ ССР

— Правовые акты, регулирующие вопросы охраны памятников истории и культуры, в том числе археологических памятников, (Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» от 29. 10. 1976 г., соответствующий Закон УССР от 13. 07. 1978 г., Положение об охране и использовании памятников истории и культуры, утвержденное Постановлением Совета Министров СССР от 16. 09. 1982 г. № 865) предусматривают государственный контроль за состоянием памятников истории и культуры, возложенный на местные Советы народных депутатов, а также ответственность, вплоть до уголовной, для лиц, виновных в нарушении Закона. Несмотря на всю объемность предусмотренных мер, на практике указанные законодательные акты часто не «срабатывают».

— Археологические памятники — селища, городища, курганные и грунтовые могильники — в ряде случаев повреждаются или полностью уничтожаются без всякого противодействия со стороны местных органов власти. К примеру, в Краснокутском районе Харьковской области (кх. им. Кирова) несколько курганов было снесено при строительстве скотного двора. Возле с. Николаевка Лозовского района в начале 80-х годов по распоряжению председателя колхоза им. Щорса был разрушен курган «Лесная могила», по свидетельствам местных жителей имевший высоту ок. 5 м. Большой ущерб был нанесен уникальному памятнику скифской эпохи — Бельскому городищу (город Гелон), расположенному на границе Полтавской и Сумской областей. На территории Куземинского укрепления Бельского городища, находящегося на территории Сумской области, был построен кирпичный завод. Хотя в настоящее время завод не работает, глиняные карьеры, прорезающие валы Куземинского укрепления и Большого Бельского городища, продолжают использоваться. Примеров можно привести множество, но ни в одном случае к нарушителям не были применены никакие санкции.

— Повреждение или уничтожение археологических памятников при производстве строительных, дорожных, мелиоративных и проч. работ приобретают все более широкий характер. Это объясняется, с одной стороны, отсутствием должного контроля со стороны исполкомов областных Советов народных депутатов, визирующих проектную документацию строительных объектов, с другой — равнодушием местных органов власти, часто не располагающих необходимой информацией об археологических памятниках. Отсутствие специалистов-археологов характерно и для областных организаций УООПИК,

— Следует отметить еще один аспект проблемы охраны археологических памятников. Известно, что систематическая распушка кургана приводит к постепенной нивелировке насыпи и, в конечном счете, к ее исчезновению. Ограничуь одним примером: Курганный могильник скифского времени у с. Купьеваха в Богодуховском районе Харьковской области в начале текущего столетия насчитывал более ста насыпей (Багапей Д. И., 1905), в конце 70-х годов — ок. 50; в 1988 г. — 36—40. Постепенное разрушение памятников в результате хозяйственной деятельности в существующих Законах не предусмотрено.

— В настоящее время единственным, пожалуй, способом проведения эффективных охранных исследований археологических памятников являются хоздоговоры со строительными организациями, поскольку бюджетные ассигнования на охранные работы незначительны и не отвечают современным требованиям; Практически только хоздоговор может обеспечить охранные исследования автотранспортом и землеройной техникой.

— Необходимыми для подлинного обеспечения охраны археологических памятников можно считать следующие меры:

1. Составление подробных реестров археологических памятников по областям с обязательной конкретизацией по хозяйствам (колхозам, совхозам и т. п.) и последующим предоставлением копий реестров руководителям хозяйств и местным органам власти.

2. Установление персональной ответственности председателей сельских и поселковых Советов за неукоснительным соблюдением Закона: «Об охране и использовании памятников истории и культуры» на территории, входящей в юрисдикцию данного органа власти.

3. Возможность временного изъятия из севдоборота хозяйств площадей, занимаемых археологическими памятниками, которым грозит акрвое уничтожение в результате хозяйственной деятельности, с целью их оперативного исследования.

4. Предоставление наиболее значительным археологическим памятникам статуса Национальных парков, со всеми последствиями.

5. При решении вопросов о передаче земель в долгосрочную аренду различным сельскохозяйственным объединениям должны обязательно предусматриваться меры, направленные на охрану археологических памятников, которые должны оставаться собственностью государства.

6. Увеличение бюджетов исполкомов областных Советов и организаций УООПИК в тех статьях, которые предусматривают финансирование охранных работ.

7. Включение Областных организаций УООПИК в число организаций, имеющих право на аренду автотранспорта и землеройной техники.

— Археологические памятники — ценнейшие источники для изучения древнейшего прошлого нашей Родины. Их разрушение наносит непоправимый ущерб нашему культурному наследию. Вопросы их охраны и научного исследования необходимо решать сейчас, иначе может быть поздно.

КРЫГАНОВ А. В.
(Харьков)

ОХРАНА И ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ВНЕШКОЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ

В мероприятиях по учету, охране и исследованию памятников истории и культуры (в том числе и археологических), как это предусмотрено соответствующим законодательством СССР и УССР, могут принимать активное участие и учреждения народного образования. Археология, в свою очередь, представляет одно из основных направлений внешкольной туристско-краеведческой работы, осуществляемой в рамках Всесоюзной экспедиции пионеров и школьников «Моя Родина — СССР». Методическими и организационными центрами такой деятельности являются районные, городские и областные дома пионеров и станции юных туристов. Здесь излагается краткое обобщение опыта работы автора, в течение ряда лет руководившего кружками археологии Дома пионеров Дзержинского р-на г. Харькова.

Выделяются четыре основные формы реализации учебно-воспитательно-го процесса археологических кружков: прочтение теоретического курса, участие школьников в полевых исследованиях (разведках и раскопках), в камеральной обработке добытого материала, в его научной интерпретации и пропаганде. Каждая из этих форм предоставляет определенные возможности для воспитания у учащегося бережного отношения к историко-археологическим памятникам, выработки некоторых практических навыков по их охране.

В теоретическом курсе, наряду со знакомством с важнейшими достижениями отечественной и мировой археологии, необходимо предусмотреть ознакомление слушателей с союзным и республиканским законодательством «Об охране и использовании памятников истории и культуры», а также дать представление о компетенции тех учреждений, которые призваны его реализовывать. Школьники-кружковцы учатся оформлять документацию (паспортизацию) археологических объектов.

Проведение полевых археологических исследований должно рассматриваться не только как возможность получения новых данных о древнейшем прошлом человечества, но и в плане охраны памятников археологии своего края. Юные археологи могут участвовать практически во всех мероприятиях, связанных с выполнением этой задачи: собирать сведения о памятниках, их паспортизировать, консервировать, заниматься постановкой на учет и т. д.

При осуществлении камеральной обработки материала необходимо ознакомить учащихся с правилами и методами учета, реставрации, хранения и экспонирования предметов, представляющих историческую ценность.

Участие в научной обработке полученного в ходе полевых археологических исследований материала реализуется в форме написания кружковцами докладов, сообщений, рефератов и т. п. Их тематика должна обязательно отражать проблемы учета и охраны археологических объектов. Прочтение указанных докладов и сообщений на районных краеведческих конференциях, в школах и внешкольных учреждениях, да и практически перед любой аудиторией является достаточно эффективным средством пропаганды и популяризации памятников археологии.

Таким образом, внешкольная (кружковая) работа с учащимися представляет достаточно широкие возможности в деле охраны и правильного использования историко-археологических памятников, являясь, вместе с тем, важнейшим средством патриотического, идейно-нравственного и эстетического воспитания школьников.

РАДЫКО А. В.
(Сумы)

РАБОТА СЕКЦИИ АРХЕОЛОГИИ ДВОРЦА ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ г. СУМЫ

В деле охраны, пропаганды и изучения памятников археологии наряду с государственными органами большую роль могут сыграть и общественные формирования.

В Сумском городском Дворце пионеров и школьников с 1980 г. работает секция юных археологов. Она участвует в изучении и охране памятников археологии Сумщины, активно сотрудничая с сектором археологии Сумского краеведческого музея. Секция ДПШ проводит совместные и самостоятельные разведки, обследование и контроль состояния известных памятников, проводит составление охранных обязательств, участвует в работе археологических экспедиций Сумского краеведческого музея и Ольгийской экспедиции ИА АН УССР. Секция проводит большую пропагандистскую и охранную работу среди юношества города. В этом году в школах и общественных организациях города была осуществлена программа по охране и пропаганде памятников истории и культуры «Прикоснись к тайне предков». В составе программы: демонстрация кино-и слайдо-фильмов, передвижная фотовыставка «Сохраним памятники истории и культуры», тематические вечера и беседы, работа экспедиционных отрядов экспедиции «Моя Родина — СССР» по направлению «В глубь веков», театрализованное восстановление языческих празднеств, проведение археологических конкурсов на городских туристско-краеведческих слетах и др.

Основным направлением деятельности секции юных археологов в 1988 году являлось участие в подготовке Свода памятников истории и культуры Сумской области. В этой связи были обследованы ряд памятников в окрестностях г. Сумы (ур. Коптивщина, остатки поселения эпохи бронзы; ур. Мамаивщина, раннеславянское поселение) и проведены разведки по реке Олешня (правый приток реки Псел) и реке Боромля (правый приток р. Ворскла) на участке от с. Становая до с. Боромля, в результате чего осмотрено 8 памятников, большинство из которых обнаружены впервые.

У села Песчаное обследовано многослойное поселение на левом берегу р. Олешня, расположенное на небольших пойменных возвышенностях (схема). Обработанный подъемный материал делится на основные четыре группы: кремневые сколы и отщепы и керамика эпохи позднего неолита, материал эпохи бронзы представлен фрагментами керамики с геометрическим орнаментом и расчесами по поверхности, керамикой с шероховатой и лощеной поверхностью представлен материал черняховской культуры, имеется и керамика, характерная для раннеславянских культур.

На правом берегу, напротив многослойного памятника на первой пойменной террасе р. Олешня расположено раннеславянское поселение (схема).

Возле с. Кровное обследованы два памятника в районе дамбы через реку Олешня — это поселение черняховской культуры, расположенное на небольшой пойменной возвышенности, и памятники эпохи бронзы. Поселение расположено на территории огородов (схема).

На правом берегу реки Боромля были обследованы два поселения эпохи бронзы возле с. Волково и с. Белки. Здесь же выявлен памятник черняховской культуры на первой пойменной террасе р. Боромля вблизи железнодорожного полотна (схема).

В двух километрах от с. Боромля обследованы два соприкасающихся полами кургана. Курганы задернованы, высотой 3–3,5 м, диаметром около 10 м расположены в 200 м от шоссе на г. Тростянец (схема 2).

Материалы разведок по рекам Олешня и Боромля пополняют сведения о заселенности малых рек в различные эпохи и дополняют археологическую карту Сумщины.

ВОПРОСЫ ОХРАНЫ И ПРОПАГАНДЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ШКОЛЕ

Обнаружение, исследование и последующая охрана археологических памятников является в настоящее время очень актуальным вопросом. В последнее время дан зеленый свет широкому дачному строительству, часто для него выбираются те места, где высока вероятность нахождения того или иного археологического памятника. Если к этой проблеме добавить относительно низкую археологическую грамотность нашего населения и пренебрежение ко всему, что по современным понятиям, не является большой ценностью, то остается только догадываться, сколько терлет археология. Где же выход? Не единственным, но очень веским, дополнением к профессиональным исследованиям может быть подключение школьников к исследованию родного края через создание историко-археологических кружков на базе уже существующих или только создающихся музеев в школах области. Никакая литература с сопутствующими иллюстрациями не создает столь ярких представлений и мечтаний, переживаний и грез у школьников, чем очная встреча с памятниками старины. «Ребячий пост» — в каждом доступном и безопасном месте новостройки! — вот каким должен быть девиз современных тематических кружков в школе; тем более чтобы ученик всегда помнил, что в археологии много «белых пятен», много загадочного, и, в то же время в известной степени много беззащитно-доступного. Это должно вызывать не только законное и приподнятое любопытство; и определенный уровень жалости. Разъяснение ученику того, что раз тронутый культурный слой, просто пласт земли, точно так же назад не уложишь: что окружающая природа, а особо в местах стоянок, селищ, городищ очень ранима и безвозвратно — невосстанавливаема — первоочередная задача в работе таких кружков и групп. Проблемой охраны историко-археологических памятников области есть отсутствие рубрик по этой тематике в нашем областном радио, телевидении и в местной прессе с уклоном привития хотя бы минимальной культуры обращения с теми предметами, которые были найдены во время выполнения всевозможных работ. 2—3 выступления за год не помешают общему объему издания, а польза будет большая, тем более, что до сих пор отсутствует историко-тематический журнал для юношества, который тоже мог бы в себя включить и археологическую страничку. Большой проблемой сохранения памятников старины является и то, что многие районы не имеют достаточно точных карт, где бы были нанесены археологические точки, что в последующем может вызвать их случайное разрушение. Отсутствие подобных карт археологических памятников, выпущенных по районам централизованном порядке из области, поставит определенный барьер на пути их

уничтожениям, полагаю, что иногда маленькие преступления совершаются не по причине злого умысла, а по причине невежественной неосведомленности. Нам надо бояться потерять то, что еще осталось на просторах области и не надо страшиться новых открытий, подключая к этому новые силы, в том числе и школьников. Помимо вещественных памятников старины, способных сравнительно долгое время существовать в относительном благополучии, есть особые памятники, исчезновение которых прямо пропорционально уходу из жизни носителей этого достояния. Речь идет о памятниках топонимии. Может быть такая информация и есть уже в чем-то рассеянном, но для более широкого читателя и любителя недоступна. Я же считаю, что существование подобной топонимической схемы, алфавитного списка к ней, распределения едиотипных названий по районам; наличие, например, в районах коренных фамилий, их приблизительное хронологическое членение и приблизительное время появления могло бы, на мой взгляд, решить некоторые вопросы и выдвинуть очень интересные гипотезы. Для ликвидации некоторых проблем в охране и сбережении памятников старины, для лучшего воспитания населения в этом разрезе, на мой взгляд, необходимо их большая популяризация через областную печать, радио и телевидение. Создание специальных страничек в газетах «Ленинская правда» и «Красный промінь», чтобы каждая библиотека школ имела минимум целевой литературы, к которой имел свободный доступ школьники и юношество. Создание постов сохранности археологических памятников или единичных находок в местах новостроек и на территориях колхозов из представителей умещающихся, входящих в школьные историко-археологические кружки, а также формирование у учеников убежденности в том, что природа и особа ее оставшийся еще кое-где историкокультурный слой бывшей давней человеческой деятельности и места поживания — вещь чрезмерно ранимая и практически невозможная.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В КРАЕВЕДЧЕСКОЙ РАБОТЕ В ШКОЛЕ

Важное значение в процессе изучения истории в школе играет краеведческий материал. Историческое краеведение является одним из источников обогащения знаниями родного края, воспитания любви к нему и формирования гражданственных понятий и навыков. Именно через такой материал раскрывается взаимосвязь общеисторического и частного в истории. В. И. Ленин в набросках статьи «Очередные задачи Советской власти» писал: «И местные отличия, и особенности экономического уклада, и бытовые формы, и степень подготовленности населения, и попытки осуществить тот или иной план — все это должно отразиться на своеобразии пути к социализму в той или иной трудовой коммуне государства».

Одним из богатейших источников по изучению истории родного края являются памятники археологии. Археологический материал дает возможность учителю для широкого приобщения учащихся к посильной научно-исследовательской работе, а также по охране памятников древней культуры. Археологические памятники можно использовать как на уроках истории (экскурсии в краеведческий музей, разведки местности, организация выставок, показ слайдов), так и во внеклассной работе (археологические кружки, факультативы). Используя такие активные методы обучения, как непосредственное наблюдение, исследовательский метод, экскурсии и обследования местности, ученики приобщаются к знанию истории родного края визуально, более глубоко проникают в особенности материальной культуры. В проведении такой работы необходимо учитывать возрастной состав учащихся. В 4—6 классах — это четкая конкретизация и образность учебного материала по истории. Проведение тематических экскурсий, например, «Археологические исследования на Сумщине», «Летописные города Сумщины», «Археологические исследования на территории края до революции», «Археологические исследования Н. Е. Макаренко», (можно детальнее остановиться и на судьбе этого ученого), итоги проведения разведок и раскопок на территории отдельных районов и др. Важное значение в процессе изучения и пропаганды археологического наследия играли в свое время, возникшие после Октябрьской революции, различные общества. Интерес, как для широкого круга исследователей-краеведов так и для учащихся, представляет история создания краеведческих музеев на Сумщине. В мае 1919 года группа энтузиастов, краеведов-любителей в городе Ромнах создала «Общество охраны памятников древности, культуры и искусства». На организационном собрании был принят устав. Члены общества активно включились в научно-исследователь-

скую и собирательскую работу. Организовывали экспедиции по Роменскому уезду собирали ценные экспонаты. Сегодня, видимо, следует учесть этот опыт и широко его пропагандировать среди молодежи.

В 7—10 классах учитель может приобщить учеников к более самостоятельной работе под руководством наставника. Это прежде всего, при тесном сотрудничестве с местными краеведческими музеями, участие в разведках, поиске следов археологических культур. Определенная работа совместно с органами охраны памятников, по установлению охранных зон для памятников археологии, участие в археологических раскопках на территории области. Именно археологические источники в силу их наглядности, осязаемости и, вместе с тем загадочности, вызывают у школьников наибольший интерес. История Сумщины в археологических памятниках представлена разнообразными культурами. На территории области государством охраняется 160 памятников археологии. Однако прежде чем приступать к созданию школьного археологического кружка, учитель должен четко представлять себе теорию и практику исследований, наладить контакт с музеем и с органами охраны памятников.

КУРИЛЕНКО В. Е.
(с. Мезин, Черниговская обл.)

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ НА СТЫКЕ ЧЕРНИГОВСКОЙ И СУМСКОЙ ОБЛАСТЕЙ У С. МЕЗИН

Пойма Десны южнее Новгород-Северского у с. Мезин Черниговской обл. богата боровыми террасами и «островами», обильно заселенными в древности. Правый «солнечный» берег имеет обрывы до 50—60 м. высоты, левый «сумский» — более пологий, скрытый испоконвечными джунглями лесов, кажется для заселения мало пригодным. И цепь современных сел идет по правому борту.

Во время основания Мезинского археологического музея — в 1960-х гг. — автор этих строк, обследуя левобережье у с. Мезин, нашел кремни и керамику неолита лишь на террасе Веселое, лежащей восточнее Мезина, на С/З с. Собичи. Обильно заселенным (9 пунктов на 7 км. поймы) оказалось пойменное левобережье Десны. Памятники лежат в 0,4—2 км от левого борта. Казалось, что левобережные джунгли мешали людям селиться со времен сложения современной экологической среды — с неолита. В пойменной и правобережной зоне, в 1960—80 гг. мы нашли до 42 пунктов с, примерно, 115 культурными слоями разных эпох. В 1970-х гг. левобережное возвышение Голубцово и болотное — Березовая соединили песчаной дорогой. На ней мы нашли кремни и лепную керамику. Оказалось, что на Голубцовом, на перекрестке дороги в с. Собичи, Шосткинского р-на, карьер срезал поселение неолита и мезолита (?) В обвалах карьера мы собрали много, порой патинированных, кремней; а на 100 м южнее, на вытянутой террасе (60x120 м) Курени у Воробьиного о-ва, — керамику среднеднепровской культуры и Х в.; к Ю/З от ст. Пироговка, в пойме у Чертового озера найдена керамика эпох бронзы, древней Руси.

И. И. Артеменко полагает, что правобережные и пойменные поселения эпохи бронзы могильники имели, видимо, на востоке — в пойме и на левобережье. Похоже, что богатое поселение эпохи бронзы Куриловка 1 имело могильник в 1 км к востоку — на пойменной дюне Дубина, где мы нашли его признаки. Нашли захоронение среднеднепровской культуры и на Свердловском острове Ю. Поселения эпохи бронзы, лежащие в пойме на островах Свердловских, Воробьиных, Мезинском, Березовой, должны бы иметь могильники на левом берегу. Но он плохо изучен, изрыт окопами. Найден курган (?) в 1 км к С/В от Голубцового, в лесу у дороги, второй (с погребенным слоем) — на перекрестке дороги на боровой террасе ЗВОНКОВОЕ. Он лежит на входе дороги из Тымоновки в пойму, к Свердловке (Черниговщина). Площадь террасы (2 га вместе с южным холмом, возможно, могильником) в 1970—80 гг. скрыта карьером. Остатки темного слоя (до 1 м у р. Лукав) продолжают вывозить. По рассказам очевидцев, снято 2,5 м грунта,

В центре, на материке, мы нашли 2, видимо, мезолитические высокие трапещи, а по южному и северному краю много кремня, керамики эпохи неолита, бронзы (чаще сосницкой культуры) керамики X—XV вв. С восточной стороны найдено 2 рва. Всего собрано 852 находки. Срыт очень богатый памятник. В X—XIII вв. он был укреплен, имел визуальную связь с примерно 12 северными пунктами, видно, был сторожевым пунктом неизвестного города X—XIII вв., лежавшего на правобережном обрыве Хатынское у с. Радыва.

В 3 км севернее Звонкового, на мысовом понижении террасы у луга Забидовщина, на повороте дороги, в 1988 г. мы нашли новый памятник — ТЫМОНОВСКИЙ БОР—1(Ю). Здесь собраны кремни, керамика, неолита, сосницкой, роменской (и, видимо, киевской) культуры, X—XII вв. Слои — 71 см. Есть след рва. В 2 км севернее, на мысовом понижении террасы, расчлененной серповидным «болотным водоемом», в 1988 г. найден памятник ТЫМОНОВСКИЙ БОР-2. Собрано лишь 55 находок эпохи неолита, бронзы, роменской культуры. Памятник почти не изучен.

Всего на левом берегу нашли 6, чаще многослойных, пунктов. Таким образом, представление о слабой заселенности левого берега оказалось неверным. Левый берег здесь напоминает подковообразные «букты». На выступах концов этих «подков» в пойму, почти все террасы (по предварительным данным) оказались заселенными с неолита, или мезолита. Многие памятники региона, «острова» уже испорчены силосными траншеями, карьерами. Возникла необходимость во всех смежных регионах добиваться закрытия всех песчаных карьеров и открытия их лишь после обследования археологами, краеведами, музейными работниками.

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ПАЛЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ СУМСКОЙ ОБЛАСТИ

В настоящее время на территории Сумской области не известен ни один достоверный палеолитический памятник, что связано, в первую очередь, с отсутствием целенаправленных поисков в этом направлении. Сохранились сведения о некоторых находках плейстоценовой фауны вместе с кремневыми изделиями. Сведения эти немногочисленны и бедны подробностями.

Первые открытия плейстоценовых памятников были сделаны на данной территории в середине—конце XIX столетия. В 1839 г. в с. Кулешовка (Недригайловский р-н) при рытье канавы на берегу р. Хусть (приток р. Сулы) обнаружена большая костеносная яма (хозяйственная?), заполненная огромным количеством костей мамонта, слона и дикой лошади. Перебитые ребра, голени, лопатки, позвонки, челюсти и др. были перемешаны между собой. Находка опубликована в 1840 г. профессором И. О. Каленеченко; судьба костей, переданных в Харьковский университет, неизвестна. В 1948 г. И. Г. Пидопличко и П. И. Борисковский рядом с местом находки заложили несколько шурфов, не давших результатов (Пидопличко, 1949, 1952). Большой помехой для раскопок как в 1839, так и в 1948 г. являлся высокий уровень грунтовых вод.

В 1879 г. геолог Н. Д. Зубок-Мокиевский в с. Шаповаловка (Конотопский р-н) на глубине 2 м 45 см обнаружил кости мамонта и кремневый нож со следами утилизации. В том же году сообщение об этой находке было сделано на второй сессии «Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» Д. Я. Самоквасовым. Вскоре шаповаловская находка заняла прочное место в списке палеолитических памятников Украины. Однако при повторной полевой проверке, предпринятой через 50 лет М. Я. Рудинским, факт существования в Шаповаловке палеолитической стоянки не подтвердился. Возможно, дальнейшие более широкие исследования опровергнут этот вывод.

К концу 70-х гг. прошлого века относится и находка палеолитических обработанных кремней на р. Осоте (приток р. Десны) около с. Воронеж (Шосткинский р-н) (Самоквасов, 1882, с. 338).

В 1907 г. в одном из оврагов у с. Глинск (Роменский р-н) было выявлено большое количество костей мамонта, носорога, медведя и др. О том, имелись ли там кремни, неизвестно.

В 1923 г. в с. Гай (Роменский р-н) при рытье ямы на глубине 1,5 м найден обломок ребра носорога. Место находки тогда же обследовалось директором Роменского музея М. Семенчиком. В лессе, на глубине 2,5 м им

были обнаружены два обломка кремня (Семенчик, 1930). В дальнейшем это место не обследовалось.

К сожалению, почти все вышеописанные находки утеряны, забыто и их точное местоположение. Большая часть старых данных уже не поддается проверке из-за отсутствия хороших привязок, а также из-за разрушений, произведенных во время различных строительных работ.

Во время разведок, проведенных автором на территории Сумской области в 1988 г. (Археологическая экспедиция Сумского краеведческого музея) были обнаружены орудия палеолитического облика в следующих пунктах:

1. С. Великая Чернетчина (Сумский р-н). В обнажениях мела на Губине, 3,5 м, найдено кремневое скребло, изготовленное на крупном отщепе (6,5x5,5 см).

2. С. Барыловка (Сумский р-н). В 10-ти метровом обнажении левого берега р. Псел на отложениях мела, на глубине 8 м обнаружен кремневый обломок со следами использования.

3. С. Клепалы (Бурынский р-н). В лесовых обнажениях около села найдено крупное кварцитовое орудие весом около 22 кг и несколько патинированных кремней со следами использования.

4. С. Дибровка (Шосткинский р-н). На левом берегу р. Бичихи (приток р. Свиги) найдены многочисленные патинированные кремни, часть из которых имеет следы использования. Однако при шурфовке культурный слой обнаружен не был.

4. С. Пески (Бурынский р-н). На левом берегу р. Сейм, у подошвы берегового обнажения (высота обнажения 6 м) встречено кварцитовое скребло на отщепе (4,3x7,3 см) и патинированный кремневый нуклеус.

Все имеющиеся данные, в том числе и многочисленные факты нахождения плейстоценовой фауны, а также существование стратифицированных палеолитических стоянок во всех соседних областях позволяют предполагать наличие палеолитических памятников на территории Сумской области.

Этому предположению не противоречат четвертичная история и геоморфология района.

В северо-западной части области на характер четвертичных отложений и формирование рельефа большое влияние оказало максимальное днепровское (рисское) оледенение. Рельеф юго-восточной части не подвергся воздействию ледника и является более древним и более резким. В северо-западной части области доледниковые террасы погребены под толщей ледниковых образований, что значительно затрудняет поиск, возможно, сохранившихся ранне- и среднепалеолитических памятников.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСЫСКАНИЯ И СОБРАНИЕ Г. С. КИРЬЯКОВА

Третья четверть XIX в. в России сопряжена со становлением археологической науки и активным накоплением ею фактического материала. Существенную роль в этом процессе играли первые археолого-краеведческие собрания, деятельность краеведов, происходящих из разночинной и дворянской среды. Большинство археологических собраний того времени были небольшими, чаще объединенными с коллекциями памятников изобразительно-го искусства, геологическими, документальными и этнографическими материалами.

В 1860—1870-х гг. на Полтавщине начинают активно формироваться частные собрания. В большинстве из них были и случайные археологические материалы. Но лишь в нескольких коллекциях они являлись преобладающими (Ф. Н. Измайлов, И. Н. Леонтович, М. А. Максимович, П. С. Щетинский). Среди всех этих собраний выделялась коллекция владельца имения в с. Гонцы Лубенского уезда Г. С. Кирьякова.

Григорий Степанович Кирьяков в 1858—1872 гг. был уездным предводителем дворянства, одним из мировых судей Лубенского мирового округа, имел в Гонцах селитренный и винокуренный заводы. От деда и отца ему достался большой дом с библиотекой, собранием картин и других предметов. У отца, Степана Григорьевича, неоднократно гостили художники и писатели; по семейным преданиям, посещал имение и Т. Г. Шевченко. В свою очередь Г. С. Кирьяков пытался продолжить просветительные и меценатские традиции своих родителей. Он получил свидетельство на открытие в с. Духово за личные средства народного училища. В 1874 г. предпринял попытку организации исследований состава выявленной им минеральной воды. На протяжении 1872—1875 гг. передал в дар Лубенской мужской гимназии ряд предметов музейного значения — документы, фольклорные записи, палеонтологические и археологические находки и гербарий. В Государственном архиве Полтавской области сохранились благодарственные уведомления Г. С. Кирьякову от директора гимназии, известного фольклориста и этнографа М. Т. Симонюва (Номиса) в получении этих подарков. В 1876 г. Г. С. Кирьяков был избран действительным членом Русского географического общества. Сохранилась и его переписка с В. Б. Антоновичем, П. П. Семеновым, Е. Н. Скаржинской, К. М. Феофилактовым и др.

Особый интерес представляет археологическая деятельность Г. С. Кирьякова, к которой он приобщил свою родственницу Е. Н. Скаржинскую.

С именем Г. С. Кирьякова связано случайное открытие в ходе хозяйственных работ на территории имения в 1871 г. позднэпалеолитической стоянки, первой из обнаруженных на Украине, (Уваров, 1881; Феофилактов, 1878;

Каминский, 1878; Березин, 1936). Если открытые случайно кости мамонта и др. животных были сохранены, то изделия из кремня оказались разбросанными детьми Кирьякова. Первое научное описание Гонцовской стоянки осуществил в 1873 г. лубенский педагог, археолог и краевед Ф. И. Каминский, посетивший Гонцы после передачи костей мамонта Лубенской гимназии. Г. С. Кирьяков оказал содействие в обследованиях Ф. И. Каминского и К. М. Феофилактова, а затем, до 1880 г., собирал кремневые изделия и кости ископаемых животных, найденные при хозяйственных работах.

Г. С. Кирьяковым осуществлены осмотры окрестностей сс. Духово, Гонцы и Клепачи. Им обнаружены первые находки в ур. Пурпуровщина у Клепачей в 1870 г. (шиферные пряслица, грузик, фрагменты лепной посуды); в 1873 г. в одном из 6-ти курганов группы, рядом с урочищем, исследовано древнерусское погребение, сопровождавшееся серебряным проволочным кольцом с разомкнутыми концами. В 1876 г. в ур. Городище у Клепачей Г. С. Кирьяковым и Е. Н. Скаржинской раскопан курган древнерусского времени высотой 0,9 и диаметром 7 м, содержавший вытянутое на спине (со сложенными на груди руками) погребение. Среди сопровождающего инвентаря — сеообранные серьга с бусиной, два простых проволочных перстнеобразных височных когьца, видимо, рассыпавшийся шиферный крестик. В 1875 г. Кирьяковым планировалась подача прошения Лубенскому гражданскому голове о разрешении проведения раскопок «за свой счет на Лубенской горе и на Валу». Судьба этого начинания гонцовского помещика неизвестна. В 1879 г. Г. С. Кирьяков в ур. Княжья Гора в Гонцах исследовал несколько курганов, в т. ч. скифского времени, среди находок в которых обнаружены 14 трехгранных бронзовых наконечников стрел и серебряное кольцо.

Археологическое собрание Г. С. Кирьякова, хотя и было известно исследователям (В. Б. Антонович, Ф. И. Каминский, Д. Я. Самоквасов), включало не более 150 предметов. Часть находок Кирьякова экспонировалась на выставке III Археологического съезда в Киеве и вошла в «Указатель выставки...» (1874, с. 7,42). Среди списка членов съезда мы находим фамилии Г. С. Кирьякова и Ф. И. Каминского. Каменный сверленный полировачный топор эпохи ранней бронзы из с. Жовнин Золотоношского уезда в собрании Г. С. Кирьякова был назван среди находок из Посулья в публикации Ф. И. Каминского (1878, с. 152). В коллекции находился картон с 53 изделиями из кремня и 29 костей животных с участка разрушений слоя Гонцовской стоянки, несколько пряслиц из ур. Пурпуровщина, серьга и др. украшения с Веохнего Вала в Лубнах, каменные песты с окрестностей Гонцов, а также материалы указанных выше раскопок Г. С. Кирьякова и др.

Судьба собрания Г. С. Кирьякова довольно характерна для того времени. Оно почти целиком вошло в состав более крупной коллекции его родственницы Е. Н. Скаржинской, получившей гонцовское имение в наследство после смерти владельца. Видимо, Г. С. Кирьяков оказался человеком,

«заразившим» страстью коллекционирования фондатора Лубенского музея. «Паспорта» находок Г. С. Кирьякова были сохранены в «Каталоге» собрания Е. Н. Скаржинской и инвентаре Естественно-исторического Музея Полтавского губернского земства, и впоследствии использовались исследователями (В. Г. Ляскомокий, М. Я. Рудинский, Ю. Ю. Моргунов). Многочисленные родственники Кирьякова активно содействовали пополнению Лубенского музея в 1880—1900-е гг.

Археологическая деятельность и собрание Г. С. Кирьякова явились одними из первых на Левобережье и в Посулье. Раскопки Кирьякова положили начало археологическим исследованиям на Полтавщине и на Лубенщине в частности, способствовали становлению музея Е. Н. Скаржинской, знакомству исследователей с древностями края.

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ СУМЩИНЫ В СОБРАНИИ ПОЛТАВСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В археологическом собрании Полтавского краеведческого музея представлена небольшая группа находок, происходящих с территории современной Сумской области. Она поступила в музей разными путями—из Лубенского музея Е. Н. Скаржинской в 1906 г., в результате археологических раскопок и случайно. Часть находок была вовсе неизвестна исследователям, сведения о части — публиковались в местных изданиях. Поэтому введение в оборот новых материалов по археологии Сумщины будет представлять несомненный интерес. Эти данные дополнены также сведениями рукописных каталогов Музея Е. Н. Скаржинской и Естественно-исторического музея Полтавского губернского земства о несохранившихся до настоящего времени предметах.

Среди наиболее ранних поступлений — лепной сосуд баночной формы, стенки которого сужаются к небольшому дну, украшенный по тулову бессистемно разбросанными ямками и декоративными отпечатками гребенчатого штампа. Сосуд может быть отнесен к позднему этапу марьяновской культуры. Он поступил в коллекцию Е. Н. Скаржинской в 1888 г. от Г. С. Кирьякова, купившего горшок у солдат при раскопках кургана в ур. Солodka у с. Аксютинцы Д. Я. Самоквасовым. По мнению М. Я. Рудинского, сосуд происходил из насыпи кургана VIII (Рудинский, 1928, с. 30).

Яркой находкой периода скифской архаики является железный кинжал, обнаруженный случайно при полевых работах у с. Хмелевка Краснопольского района в 1984 г. Это типичный акинак длиной 29,1 см с брусковидным навершием, желобчатой постепенно расширяющейся сверху рукоятью и массивным перекрестием почковидной формы. Тщательно выкованный трехугольный клинок кинжала обоюдоострый. По центру линзовидного в сечении клинка проходит неширокая невриора.

Среди переданных ГИМом УССР в 1948 г. материалов по археологии Полтавщины имеются и яркие находки из курганов Роменского уезда. В музее хранятся два зеркала т. н. сибирского типа VI—начала V вв. до н. э. в виде круглого диска с загнутым бортиком и центральной ручкой в форме петли или двух вертикальных столбиков, прикрытых бронзовой бляхой с рельефной розеткой, происходящих с Роменских курганов, раскопанных в 1880-х гг. Из раскопок С. А. Мазараки середины 1880-х гг. кургана № 8 у хут. Поповка (VI в. до н. э.) в экспозиции репрезентированы четыре небольшие бронзовые крестовидные бляхи с розеткой в центре и двойной орлиной головкой вверху. Здесь же находится круглая костяная бляха с циркульным орнаментом и бронзовая пряжка-пронизь с изображением лошади-

ной головы, происходящие из погребения I (V в. до н. э.) кургана № 4 у с. Волковцы, раскопанного И. А. Линниченко в 1889 г. Впускное неразграбленное погребение двух знатных женщин из того же кургана (погребение 4) представлено в коллекции бронзовой гвоздевидной булавкой с рубчиками в верхней части и 7-ю бронзовыми ажурными колокольчиками от бронзового колпака-навершия (Ильинская, 1968).

Из рукописного «Каталога» музея Полтавского земства мы узнаем о поступлении в Лубенский музей Е. Н. Скаржинской в начале XX в. от В. Ф. Беспальчева «картона с 24-мя бронзовыми наконечниками стрел, 2-мя бронзовыми пластинами и 5-ю кусочками железного чешуйчатого панциря», а также «части глиняной миски с дырочками у краев». Местом находки этих предметов называется один из курганов у с. Плавинищи, исследованный В. В. Хвойкой в 1897—1899 гг. Из ур. Липовое, у одноименного села, в собрании Е. Н. Скаржинской происходил «четырёхгранный наконечник копья с шариком у основания острия длиной 46 см». Отметим также и материалы Музея Полтавского земства, поступившие в 1911 г. из раскопок Прорезной могилы в с. Великие Будки, — «обломки железных удил, боевого молота, железный наконечник копья» и песчаниковая зернотерка. Известные по архивным данным находки утрачены в годы войны.

Известный комплекс памятников у с. Каменное Лебединского района (Кучера, Сухобоков, 1984) представлен в коллекции музея находками из погребения роменской культуры в центре курганного могильника, частью уничтоженного грабительскими раскопками учителя Вовчикской СШ Гурского Г. С. в конце 1950-х гг. Это 4 стеклянных позолоченных боченовидных бусин и одна синяя бипирамидальная из прозрачного стекла, а также несколько обломков лепной роменской и круговой древнерусской керамики.

Полтавским музеем в 1916 г. велись исследования курганного могильника у с. Липовое Роменского уезда, в результате которых было исследовано 6 курганов высотой 0,4—1,6 м и диаметром 2,5—8,2 м, содержащих 7 погребений XI—XIII вв. Отчет о проведенных работах был опубликован отдельным оттиском (Щербаківський, 1920), т. к. выпуск 2-го тома «Записок укр. наук. товариства дослідження й охорони пам'яток старовини та мистецтва на Полтавщині» был отложен. В настоящее время сохранились бронзовые перстень и рамка пряжки из погребения 2 кургана № 336, бронзовая серьга из кургана № 338.

Дальнейшее восстановление атрибуций собрания и депаспортизованных предметов из ГИМа УССР, позволит установить принадлежность еще более 30 находок скифского времени, происходящих с территории Сумской области.

ПОБОЖИЙ С. И.
(Сумы)

**ХІІ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД В ХАРЬКОВЕ (1902 г.)
В ЕГО ОТНОШЕНИИ К ИЗУЧЕНИЮ ВОПРОСОВ
АРХЕОЛОГИИ И ИСКУССТВА СЛОБОЖАНЩИНЫ**

Огромное значение для развития истории, археологии, этнографии, искусства имели археологические съезды, регулярно проводившиеся в России со второй половины XIX века. В цель и задачи их входили: выработка мер сохранности отечественных памятников; установление приемов к открытию и их исследованию и составление списков с их историко-топографическим описанием; сближение и соединение разрозненных ученых сил для взаимного соглашения и решения вопросов; распространение в обществе понимания, любви и разумной оценки остатков старины; введение преподавания русской археологии (см. подробнее: Редин Е. К. Значение деятельности археологических съездов для науки русской археологии: К XII археологическому съезду в Харькове.—X, 1901). Поначалу программы съездов не имели четко выраженной концепции, однако постепенно каждый съезд выдвигал определенный комплекс проблем, который в какой-то мере определял его лицо. Для организации харьковского съезда значительную роль сыграло письмо Н. П. Кондакова, где им были изложены мысли об установлении для съезда программы занятий и соответственно этому—принятие рефератов. Предварительный комитет по устройству съезда ввел новое положение по которому рефераты, подаваемые к участию в съезде должны были предварительно просматриваться Ученым комитетом съезда, что говорит о положительной реакции на письмо Н. П. Кондакова.

Территория, которая входила в программу исследований, охватывала Левобережную Украину, в частности — Слобожанщину, часть юга России (Кубань, Новороссия). Этот географический ареал и составлял основной объект изучения вопросов археологии и искусства.

Успех съезда во многом был предопределен четкой и плодотворной работой предварительного комитета, секретарем которого был преподаватель истории искусств Харьковского университета Е. К. Редин (1863—1908). Его научные интересы охватывали византийское и древнерусское искусство, а работа в подготовке съезда открыла новые горизонты в изучении искусства Слобожанщины. Он осмотрел все церкви города Харькова и описал находящиеся там предметы культа, имевшие художественно-историческую ценность (Редин Е. К. Материалы к изучению церковных древностей Украины. Церкви города Харькова.—X, 1905). К съезду им было составлено семь каталогов. Так, в каталоге отдела церковных древностей, преобладающее место занимали предметы искусства Слобожанщины. Целый ряд замечательных произведений искусства были собраны организаторами съезда, в частности и Е. К. Рединым, на территории Сумщины, особенно преобладали в этом отношении

Ахтырский и Лебединский уезды. Во многом благодаря стараниям Е. К. Редина, на выставку съезда попало собрание рукописей и старопечатных книг Маклаковых из Путивля, куда в январе 1902 года он специально выезжал.

XII археологический съезд проходил с 15 по 27 августа 1902 г. в Харькове. Почти 400 человек приняли участие в его работе. За это время было проведено 32 заседания, зачитано 92 реферата по разным вопросам. Выставку, которая занимала десять больших комнат на протяжении 12 дней посетило почти 55 тысяч человек. Выставка состояла из восьми разделов: 1) первобытные древности; 2) церковные древности; 3) исторические древности; 4) нумизматика; 5) этнография; 6) старопечатные книги; 7) рукописи; 8) картография. После окончания съезда Е. К. Редин перефотографировал наиболее ценные вещи и издал альбом (Альбом выставки XII археологического съезда в Харькове) Под ред. проф. Е. К. Редина.—М., 1903).

Одним из главных достижений съезда было обращение ученых на вопросы археологии и искусства Слобожанщины. В район исследований попали раскопки на территории Сумщины. Кроме теоретических занятий участники съезда совершили две экскурсии: на Донецкое городище (18 августа) и в имение Харитоненко, находящееся близ селения Ницахи Ахтырского уезда (25 августа). Съезд оказал огромное влияние на дальнейшее развитие интереса к вопросам археологии и искусства Слобожанщины. До съезда это внимание было эпизодическим. Конечно и после его работы было еще рано говорить о систематизации материала. Задача, которая стояла перед исследователями заключалась в то время в накоплении фактологической базы и конкретного изучения памятников. На базе материалов съезда был впоследствии открыт этнографический музей историко-филологического общества Харьковского университета.

Интерес к дальнейшему изучению вопросов археологии и искусства Слобожанщины особенно ярко выразился в направленности работы кафедры теории и истории искусства Харьковского университета. А один из воспитанников университета — С. А. Таранушенко (кстати, уроженец Лебедина), свои научные интересы направил на изучение искусства и архитектуры Слобожанщины. В одной из своих работ он писал: «Вперше на мистецтво Слобожанщини звернуто серйозну увагу лише перед і під час 12 археологічного з'їзду в Харкові р. 1902» (Таранушенко С. А. Мистецтво Слобожанщини XVII—XVIII вв.) (Мистецтвознавство. Збірник 1-й.—X, 1928—1929, с. 1) Многочисленные отклики на харьковский съезд единодушно признавали его научный и просветительный аспект успеха. А один из критиков писал: «Таким образом, XII археологический съезд положил начало исследованию Половецкой степи, которая в археологическом отношении до сих пор представляла почти, можно сказать, «землю незнакомую». (Нарбеков В. Южно-русское религиозное искусство XVII—XVIII вв. По памятникам церковной старины. бывшим на выставке XII археологического съезда в Харькове.—Казань, 1903, с. 4).

ФИННО-УГОРСКИЕ ГИДРОНИМЫ В ПОДНЕПРОВЬЕ И ИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

1. Исследованиями В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева (1962, 1968) и др. на левобережье Днепра выделено около десяти древних финно-угорских названий рек и водоемов. Они отмечаются, например, в верховьях рек Полтавщины: на Сейме и в бассейне р. Сож. Следует заметить, что эти гидронимы на северо-востоке Украины и в Белоруссии, являются прямым продолжением на юго-запад ареала довольно большого скопления финно-угорских названий рек лесной зоны Европейской части СССР, в частности, Волго-окского бассейна и Восточной Прибалтики и, почти, всего севера Восточной Европы. Все это свидетельствует о весьма прочном и продолжительном заселении в древности указанных территорий, включая северо-восточные районы Украины и Белоруссии, племенами финно-угорской языковой общности.

2. К сожалению, вопрос о времени возникновения этих гидронимов и их культурной атрибуции одними лингвистическими методами решен быть не может. Необходимо привлечение иных источников смежных наук, прежде всего, археологии.

В этом плане весьма положительные результаты дает, как нам кажется, сопоставление лингвистических и археологических карт, а также всесторонняя интерпретация общеисторической обстановки региона в эпоху неолита, меди-бронзы и более позднего его времени, с точки зрения генезиса археологических культур и языковых групп их связей, миграции и др.

3. Как это установлено многолетними исследованиями на северо-востоке Украины и Белоруссии в древности обитали племена ряда археологических культур, в том числе, днепро-донецкой, ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита, марьяновской и сосницкой эпохи бронзы, юхновской и скифской раннего железного века, а также зарубинецкой, киевской, колочинской и др. раннеславянского времени (Археология УССР, 1, 1985; Белорусская археология, 1987).

4. При наложении карт всех этих культур Украины и Белоруссии на карту финно-угорских гидронимов отмечается их территориальное совпадение, степень которого, однако, далеко не одинакова. В одних случаях это соответствие полное или почти полное, в других—лишь частичное. Наиболее полное совпадение гидронимической карты здесь отмечается с районом распространения памятников культуры ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита. Надо полагать, что уже это обстоятельство имеет весьма важное значение для решения рассматриваемой нами проблемы, так как такого соот-

ветствия этой карты гидронимов с картами других культур здесь не наблюдается. Кроме того, при этом необходимо учитывать еще и данные, вытекающие из анализа общеисторической ситуации региона этого времени. Мы имеем в виду тот факт, что район распространения племен ямочно-гребенчатой керамики левобережья Днепра является прямым продолжением большого массива культур этого круга Волго-окского бассейна, Восточной Прибалтики и более северных территорий Восточной Европы вообще, что, как мы видели выше, характерно и для финно-угорских гидронимов. Напомним, что многочисленные охотничье-рыболовческие племена с ямочно-гребенчатой керамикой заселяли эту огромную территорию около двух тысяч лет—от середины IV до начала II тыс. до н. э.

5. Такое совпадение карт финно-угорских гидронимов и памятников ямочно-гребенчатой керамики на большой территории Восточной Европы позволяет предполагать принадлежность и тех и других к одному и тому же населению. Следовательно, мы можем говорить, что, во-первых, носители культур лесных охотников и рыболовов с ямочно-гребенчатой керамикой, этнически были финно-уграми или их прямыми языковыми предками, и во-вторых, древние финно-угорские гидронимы района должны датироваться второй половиной IV — началом II тыс. до н. э.

6. Впрочем, постановку вопроса об финно-угорской принадлежности памятников ямочно-гребенчатой керамики, нельзя считать чем-то новым. Об этом давно писали, как лингвисты (Д. В. Бубрих, П. А. Аристе и др.), так и археологи (Ю. Айлио, А. Я. Брюсов, Х. А. Моора, Л. Ю. Янитс, Д. А. Телегин и др.).

К этому вопросу однако приходится возвращаться опять в связи с тем, что согласно мнению ряда иных исследователей (П. Н. Третьяков, О. Н. Бадер, А. Х. Халиков) основным звеном в сложении угро-финских народов следует считать не племена культур ямочно-гребенчатой керамики, а носителей иных культур эпохи неолита — меди Прикамья и Поволжья—волго-камской и волосовской. Согласно концепции этих ученых население культур ямочно-гребенчатой керамики отражает собой в Европе еще дофинно-угорский пласт населения.

7. Не возражая, в целом, против возможности финно-угорской принадлежности племен волго-камской и волосовской культур, однако заметим, что памятники последних совершенно неизвестны в Поднепровье, Прибалтике и даже на средней Оке, где финно-угорские гидронимы представлены довольно хорошо. Их появление здесь, таким образом, может быть объяснено только исходя из факта финно-угорской этнической принадлежности носителей культур ямочно-гребенчатой керамики.

8. Таким образом, рассмотрение вопросов о хронологии финно-угорских гидронимов Поднепровья и этнической принадлежности племен ямочно-ребенчатой керамики этого региона имеет не только узлокальное значение. Оно позволяет решать проблему генезиса угрских финнов и в общевосточно-европейском масштабе; разные группы этого многочисленного населения эпохи неолита-меди были представлены, видимо, двумя группами культур — ямочно-ребенчатой керамики, в одном случае, и золго-камской и генетически с ней связанной волосовской культурами — во втором. Первые заняли более западные районы финно-угорского массива, а вторые его восточную часть.

ИЗУЧЕНИЕ НЕОЛИТА НА СУМЩИНЕ

Изучение неолита в лесной зоне Левобережной Украины, входящей сейчас в состав Сумской и Черниговской областей началось, главным образом, в предвоенные и послевоенные годы. Экспедициями ВУАК и Кабинета антропологии Академии наук УССР было открыто несколько неолитических памятников на Десне и Сейме. Ю. С. Виноградский открыл большое количество неолитических стоянок вблизи г. Сосницы и в низовьях Сейма. После войны М. В. Воеводский исследовал Мыс Очкинский, а М. Я. Рудинский — Погореловские стоянки. Разведками и раскопками сотрудников Института археологии АН УССР — Н. П. Амбургер, Д. Т. Березовца, С. С. Березанской, Д. Я. Телегина, А. И. Тереножкина, В. А. Ильинской, Ю. Г. Колосова, В. И. Неприной число неолитических памятников на Сумщине увеличено до 40.

Неолитическая эпоха на Сумщине характеризуется памятниками, принадлежащими трем археологическим культурам: днепро-днецкой, лисогубовской и неолита ямочно-гребенчатой керамики.

Лисогубовская культура открыта и изучена В. И. Неприной (Археология УССР, 1982). Памятники этой культуры открыты на реках Десне, Сейме, Терне. При раскопках эпонимного памятника в Конотопском районе было зафиксировано стратиграфически более древнее время бытования лисогубовской культуры по сравнению с неолитом ямочно-гребенчатой керамики и синхронность ее с днепро-днецкой культурой Поднепровья и культурой с накольчатой керамикой на Верхнем и Среднем Дону. Кроме Лисогубовки, остатки этой культуры встречались в материалах Скуносовских стоянок, Погореловке Косе и Эсмани, Мысе Очкинском, Ображеевке, Оболонье, Горках, Гремячем и Череповке. В основе хозяйства этой культуры были охота, рыболовство и начальные формы скотоводства и земледелия.

Днепро-днецкая культура на Сумщине открыта Д. Я. Телегиным. Им исследовано местонахождение у с. Козловки на Сейме, где был обнаружен развал сосуда с гребенчатым орнаментом и скопление кремневых и кварцитовых изделий, выполненных в макролитической технике. Небольшие группы днепро-днецких материалов встречены также в местонахождениях у сел Заболотово, Ображеевки, в целом же, территория распространения этой культуры расположена к западу от Сумщины. В основе хозяйства племен днепро-днецкой культуры были охота, рыболовство и собирательство.

Подавляющее большинство неолитических памятников Сумщины относится к культуре неолита ямочно-гребенчатой керамики. Погореловка—Вырчище, Волынцево, Мыс Очкинский — опорные памятники для изучения этой культуры. Первые два представляют дальнейшее развитие днепро-днецкой

культуры под воздействием лисогубовской в культуру типа Выючище, представляющую собой ранний этап неолита ямочно-гребенчатой керамики на Украине в IV тыс. до н. э. Эта культура еще позднее трансформируется в марьяновскую культуру эпохи бронзы.

Такие памятники как Мыс Очкинский, верхний слой на Лисогубовском поселении, Скуносовские стоянки показывают развитие на украинской территории племен пришлоей рязанско-долговской культуры с ямочно-гребенчатой керамикой. Эти культуры имеют охотничье-рыболовецкий уклад хозяйства и только на позднейших этапах своего развития начинают практиковать скотоводство (на примере Гришевской стоянки на Десне и Долговской стоянки на Верхнем Дону).

Культурно-хронологические определения неолитических материалов к настоящему времени завершены в общих чертах. На первый план теперь выдвигаются проблемы изучения хозяйства, социального устройства и идеологии неолитических племен и их исторических судеб. Решение таких вопросов предъясняет более повышенные требования к археологическому источнику. Необходимы, прежде всего, поиски не только временных стоянок в поймах рек, дающих множество перемешанных слоев из-за многократного посещения одних и тех же стоябищ, связанных с рыболовецким и охотничьим промыслом в летний период, но и более основательных поселков зимнего периода. Последние должны быть приурочены к местам зимнего обитания охотничьих животных. В этом отношении могут быть перспективными верховья малых рек.

Далее необходимы исследования поселений на всей их площади для получения полных и достоверных данных для воссоздания исторических обобщений.

Не следует оставлять попыток в отыскании других категорий памятников, кроме стоянок и поселений, а именно, могильников, оставленных неолитическим населением.

ТИТОВА Е. Н.
(Киев)

НОВЫЕ ДАННЫЕ К ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КАРТЕ НЕОЛИТА — ЭПОХИ БРОНЗЫ СРЕДНЕГО ПОДЕСЕНЬЯ

Работами М. Я. Рудинского, Д. Я. Телегина, С. С. Березанской, И. И. Артеменко, В. И. Неприной и других исследователей в Среднем Подесенье были обнаружены памятники нескольких археологических культур или этнокультурных общностей эпох неолита — бронзы: днепро-донецкой, лисогубовской, ямочно-гребенчатой керамики, марьяновской, сосницкой (восточно-тшинецкой). В целом, определены их происхождение, характерные черты, пространственно-хронологическое соотношение, этническая принадлежность. Однако, полного единодушия по перечисленным проблемам у исследователей нет, существуют и некоторые лакуны в стройных цепочках генетических построений, соединяющих ранне-неолитические культуры с позднебронзовыми. Таким пока еще слабо изученным звеном являются поздне-неолитические памятники типа Максаков (Неприна, 1974). Поэтому находки новых пунктов с материалами данного типа, а тем более на стратифицированном поселении, вызывают определенный научный интерес.

В 1987—88 гг. Борковским отрядом Первобытной экспедиции Института археологии АН УССР (начальник отряда Е. Н. Титова, в работе отряда принимали участие В. И. Неприна, В. Ю. Коен, С. А. Балакин) проведены раскопки на многослойном поселении Борковка Менского района Черниговской области. Поселение находится на мысу правого берега р. Десна, в 2,5—3 км к югу от села, в 700 м к востоку от Улановского озера. Высота возвышенности над уровнем летнего стояния воды до 4—4,5 м, площадь около 600 кв. м. С юга она ограничена рекой, с севера, запада и востока — заболоченными старицами. Берег в данном месте интенсивно размывается, и значительная часть поселения разрушена. Шурфовка возвышенности показала наличие культурного слоя на площади не более 150 кв. м, из которых раскопано 50 кв. м (максимально насыщенный находками участок).

Поослежена довольно сложная стратиграфия: 1 — дерновый слой (0,1—0,15 м); 2 — черный сильно гумусированный слой (0,1—0,3 м) — в верхней части залегают обломки киеворусской гончарной керамики, позднезарубинецкие материалы; в основании слоя — фрагменты керамики сосницкого типа; 3 — серый суглинок (подпочва) (0,2—0,3 м) — преобладают материалы марьяновского типа; 4 — слой серо-желтой супеси (0,1—0,3 м) — в верхней части находятся обломки керамики типа Максаков, в основании слоя — позднелисогубовские материалы, которые имеются и на переходе к подстилающему глеистому слою (с глубины 0,5—0,9 м).

В нижнем, позднелисогубовском, культурном горизонте обнаружены остатки наземной постройки с очагом и приочажной ямой. Постройка фикси-

руется по склеплению крупных фрагментов позднелисогубовских сосудов (из них 2 развала) и 2 пряслиц на площади около 2x4 кв. м. (шалаш—?). Яма представляет собой подвальное в плане углубление, глубиной 0,22—0,42 м, сужающееся ко дну (1,7x0,7 м), в южной части которого находится овальный в плане, линзовидный в разрезе очаг размером 0,85x0,53 м (мощность углистого слоя до 0,25 м). Такой же очаг несколько меньших размеров без очажной ямы раскрыт в 1,4 м к северо-востоку от первого.

Позднелисогубовские горшки небольшого размера, эс-видного профиля. Диаметр отогнутого наружу, округленного по срезу венчика 16—18 см. Сосуды слабо орнаментированы—под венчиком и в придонной части—чередующимися поясами из горизонтальных рядов и зигзагов из оттисков межзубчатого штампа или мелких округлых наколов. Керамика желтого цвета, окатанная, с примесью в тесте кровавика, половы, пористая, слабо обожженная, с хорошо заглаженной поверхностью.

Изучение поздненеолитических сосудов типа Максаков, обнаруженных на поселении, позволяет усматривать в их форме и орнаментации продолжение лисогубовских традиций. Горшки более крупные, эс-видного профиля, с уплощенным или округленным срезом отведенного наружу венчика, иногда с имитацией «воротничкового» утолщения под ним при помощи горизонтального ряда оттисков гребенчатого штампа. Украшены сосуды чередующимися полосами из горизонтальных рядов, зигзагов и косых крестов из отпечатков мелко-или крупнозубчатого штампа. Посуда отличается лучшим качеством изготовления.

Керамика марьяновского типа, залегавшая в слое и в хозяйственной яме, сближается с максимаковской по форме сосудов, употреблению гребенчатого штампа в орнаментации, хотя в украшении посуды появляются и новые элементы—глубокие насечки, «колочая проволока», другие. Техника изготовления более небрежная (горшки слабо обожжены, рыхлые, поверхности слегка заглажены).

Сосницкая, зарубинецкая и киеворусская керамика, обнаруженная на поселении, также как и малочисленные орудия труда, отходы их производства менее информативны.

Проведенный анализ материалов позволяет делать предварительные, в большой мере гипотетические выводы о том, что исследованный памятник, начиная с позднего неолита до эпохи бронзы, был местом сезонных стоянок. По керамическим материалам, найденным на поселении, можно проследить наличие и сохранение традиций в керамическом производстве местного населения на протяжении времени функционирования памятника. Устойчивое сохранение гребенчатого орнамента в украшении посуды является одним из ярких тому свидетельств.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ: ПОГОРЕЛОВКА — ВЬРЧИЦЕ НА СУМЩИНЕ

Культура неолита ямочно-гребенчатой керамики была широко распространена в IV—III тыс. до н. э. на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы. В пределах Украины памятники этой культуры известны в пределах Левобережья. Племена ямочно-гребенчатого неолита занимались охотой и рыболовством, сохранив в своей культуре черты предшествующей эпохи.

В настоящее время неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине относительно полно изучен (Неприна, 1976, 1986). Вместе с тем слабо изучаются социально-экономические аспекты этой культуры, особенности ее хозяйственного уклада. В решении этих вопросов важное место отводится материалам жилищ и поселений.

Одним из наиболее ярких памятников неолита ямочно-гребенчатой керамики является многослойное поселение Погореловка—Вьрчице на Десне, содержащее материалы трех периодов развития этой культуры.

Поселение Погореловка—Вьрчице находится в Кролевецком р-не Сумской обл. в 2 км к северу от села Погореловки. Оно расположено в широкой пойме левого берега р. Десны на берегу ее притока—р. Эсмани. В середине 60-х годов поселение исследовалось В. И. Неприной на площади более 600 кв. м. Раскопки памятника были продолжены в 1982, 1987—88 гг. В. И. Неприной, Е. Н. Титовой, В. Ю. Коеном. Итогом этих работ было обнаружение и исследование остатков жилища.

Стратиграфия поселения следующая: 1, желто-коричневый, аллювий более темный в нижней части; 2, черная гумусированная супесь, погребенная почва — 1-й, верхний культурный слой; 3, серо-коричневая супесь, подпочва погребенной почвы — 2-й, нижний культурный слой, 1—2-й горизонты; 4, серо-черная супесь — заполнение жилища, 3-й горизонт второго культурного слоя; 5, желто-серый плотный песок — материк. Таким образом, остатки углубленного пола жилища приурочены к середине слоя подпочвы; его котлован углублен в материк на 0,25 м.

Анализ структуры кремневых комплексов культурных слоев памятника показывает, что характер его заселения менялся с течением времени. Так нижний слой с полом жилища является остатками долговременного поселения, а его верхние горизонты, по-видимому, уже принадлежат периферии памятника.

Главным итогом новых раскопок на поселении Погореловка—Вьрчице следует считать исследование выразительных остатков жилища. В нем наиболее полно представлены материалы раннего этапа неолита ямочно-гре-

бенчатой керамики Украины, зафиксировано совместное залегание керамики ямочно-гребенчатого неолита и лисогубовской культуры.

Все находки 3-го горизонта нижнего слоя связаны с комплексом жилища. Котлован жилища фиксировался двумя уровнями, из которых нижний был связан с полом постройки. Границы верхнего уровня расплывчаты и смещены, вследствие паводкового воздействия, в сторону старого русла Эсмани. Пол жилища и связанные с ним объекты сохранились

Полезная площадь постройки была ограничена пятым полом. Последний имел подпрямоугольные очертания и расширялся в западном направлении. Длина пола составила 8 м, ширина — 2—3,5 м. Стенки котлована крутые. На полу обнаружено 3 очага, расположенных по длинной оси жилища. Около очага в восточной части пола находился развал остроугольного сосуда. Два других располагались около западной стенки жилища, имели округлую и овальную форму, диаметром до 0,6 м.

На полу прослежены 3 ямки от опорных столбов, из них две расположены по длинной оси жилища. Все ямки имеют округлую форму, корытообразный профиль и диаметр до 0,2 м. На уровне пола за пределами жилища находок не обнаружено. Здесь зафиксированы остатки столбовых и 2-х хозяйственных ям. Последние были расположены к северу от очертаний пола, на склоне старого русла речки. Столбовые ямы расположены вдоль западной (3), северной (4) и южной (2) стен жилища. Все они имели округлую форму, кроме одной — подпрямоугольной. Таким образом, постройка имела четыре ряда столбов: 3 внешних и 1 внутренний.

Жилище представляло собой столбово-каркасную наземную конструкцию с коньковым перекрытием крыши и несколько углубленным в материк полом. Площадь постройки — около 32 кв. м.

В результате изменения режима вод Десны и Эсмани жилище было оставлено.

По конструктивным особенностям погореловское жилище отличается от известных построек неолита ямочно-гребенчатой керамики территории Украины. Его сравнение с постройками Гришевского поселения (Березанская, 1975) показывает, что жилище Погореловки-Вырчища имело меньшую площадь, а в систему его конструкции стен и перекрытия входили ряды столбовых опор. Эта постройка отличается также от типичных столбовых домов культуры линейно-ленточной керамики, для которых характерны столбы в виде частокотла, где столбовые ямки располагались часто в специальных рвах.

В практике изучения домостроительства наиболее сложным является вопрос о социальной идентификации жилищ и поселений. Основываясь на этнографической модели «длинных домов» ирокезов, некоторые исследователи связывают каждый очаг, найденный в жилище, с отдельной семьей. Если

пойти таким путем, учитывая средние размеры семьи в 5—7 человек, то число обитателей жилища составит около 20 человек. Учитывая сравнительно небольшую площадь постройки, неравномерное расположение очагов на ее площади, эта цифра выглядит сильно преувеличенной. По-видимому, жилище занимала одна семья, что вполне согласуется с общими представлениями о структуре неолитической общины.

Таким образом, новые раскопки поселения в Погореловке выявили новый в культуре неолита ямочно-ребенчатой керамики тип постройки — жилище типа Вырчище.

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПРОНИКНОВЕНИЯ КАТАКОМБНЫХ ПЛЕМЕН В ЛЕСОСТЕПНОЕ ПОДНЕПРОВЬЕ

Лесостепное Поднепровье в силу своего географического положения и природных условий (зона умеренного климата; наличие развитой гидросистемы, обилие флоры и фауны) имело высокую плотность населения со времен первобытности. Периодические засухи, фиксируемые на протяжении голоцена (Веклич, 1987), которые оказывали негативное воздействие на хозяйственную деятельность населения степных районов, в гораздо меньшей мере влияли на экономику обитателей лесостепной и лесной зон.

В регионе известны десятки поселений начала II тыс. до н. э., располагавшиеся вдоль правого берега Днепра и по левым его притокам (Черкасская, Киевская, Полтавская, Сумская, Черниговская обл.). Существует две точки зрения на этническую принадлежность населения, оставившего эти памятники. 1 — племена среднеднепровской культуры (Березанская, Бондарь, 1964; Березанская, 1966; Артеменко, 1974, 1985, 1987; Бондарь, 1974). 2 — катакомбные элементы в керамике поселений отражают существование контактной зоны среднеднепровских и катакомбных племен (Шапошникова, 1969; 1971; Братченко, 1977).

Анализ керамического комплекса поселений типа Исковщина позволяет согласиться со второй точкой зрения. В керамике наблюдаются две традиции: первая связана непосредственно со среднеднепровской — сосуды с плавным переходом от шейки к плечикам, орнаментированные линейным штампом, прочерченными линиями. Орнаментальные ряды выполнены, преимущественно, вертикальными элементами. Такая керамика типологически восходит к посуде поселений среднего этапа среднеднепровской культуры (Артеменко, 1985). Вторая традиция представлена только на поселениях позднего этапа и не имеет прототипов в керамике более ранних памятников. Это, во-первых, сосуды с раструбной шейкой, украшенные тесьмой, гребенчатым штампом, «гусеничкой», в орнаменте доминируют горизонтальные элементы; во-вторых, сосуды с прямой шейкой и крутыми плечиками, орнаментированные в «желобчатой» технике, композиция орнамента — горизонтальные линии на шейке и опускающиеся на плечики треугольники. Такая керамика составляет не менее 50 % в материалах раскопанных поселений.

Критерием отнесения подобной керамики к катакомбной служит массовая встречаемость ее на собственно катакомбных памятниках — поселениях и погребениях. Ближайшие аналогии первому типу сосудов известны на территории Харьковской области (бассейн Сев. Донца) в памятниках т. н. харьковско-воронежской культуры, происхождение которой, вероятно, связано с развитием донецкой катакомбной культуры. Сосуды второго типа известны в степных северопричерноморских катакомбных погребениях позднего этапа

и на поселениях Надпорожья (типа Перун). Бытование последних в позднекатакомбное время определяется присутствием в керамическом комплексе сосудов, орнаментированных горизонтальным валиком в основании шейки, реповидных сосудов.

В рассматриваемом регионе в настоящее время известно около трех десятков катакомбных погребений, которые можно отнести к поздним. Некоторые из них совершены по обряду, присущему степному населению Северного Причерноморья, другие сходны с захоронениями бассейна Сев. Донца.

Исходя из вышеизложенного, можно говорить о проникновении катакомбного населения в Лесостепное Поднепровье на позднем этапе существования культуры, вероятно, из северопричерноморских степей и верховьяе Сев. Донца.

Выявляя причины, вызвавшие передвижение населения, необходимо отметить следующие факторы. 1. Для позднего периода катакомбных культур отмечено резкое увеличение количества памятников (Шапошникова, Братченко, 1985; Матвеев, 1986), что свидетельствует о росте численности населения. 2. На рубеже III—II тыс. до н. э. происходило изменение климатических условий — степной регион переживал засушливый период. Усиление аридизации климата отмечено 4—3,5 тыс. лет назад (Холмский, 1977, 1982; Иванов, Ковалева, 1983). Во всех степных районах устанавливается сухой, жаркий, континентальный климат. Такие условия зафиксированы в районе Днестра в интервале 4200—3700 лет назад (Песочина, Буйнов, 1982), на территории Нижнего Подонья и бассейна Сев. Донца 4200—3700 лет назад. (Кременецкий, 1982). Подобные процессы отмечены в каспийских степях (Варушенко С. И., Варушенко А. А., Клиге, 1987). Повышение температуры подтверждается трансгрессией Черного моря (уровень повышается на 2—3 м), вызванной таянием ледников (Веклич, 1987).

Изменение климатических условий создало предпосылки для смены ландшафтной обстановки. Почвы этого времени характеризуются большой солонцеватостью. Степная зона на территории Украины передвинулась к северу почти на подзону (Веклич, 1987), а в казахских степях — на целую зону (Зданевич, Хабайдулина, 1984). Таким образом, восточные районы испытывали иссушение климата в значительно большей степени. В прикаспийских степях на месте степных ландшафтов появляются полупустынные и пустынные.

В украинских степях происходили аналогичные изменения, хотя и не в таких масштабах. Изменения продуктивности ландшафтов в результате повышения температуры и уменьшения общей увлажненности не могли не оказать влияния на хозяйственную деятельность и количество населения. Вероятно, такая ситуация вызвала отток части катакомбных скотоводческо-земледельческих племен в северные районы, где имелись типы ландшафтов, соответствующие подобной направленности экономики.

БОЛОВИК С. И.
(Харьков)

НОВЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ ЛЫСЫЙ ГОРБ В БАССЕЙНЕ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

1. Поселение Лысый Горб исследовалось северско-донецкой археологической экспедицией ХГУ при участии кружковцев Дома пионеров города Харькова. Оно занимало дюну в пойме левого берега Северского Донца. Вскрытая площадь составляет 2100 м². Обнаружено семь жилых построек, относящихся к различным периодам эпохи бронзы. Культурный слой вне жилых построек практически отсутствует.

2. К раннему периоду эпохи бронзы относится наземное жилище с керамикой марьяновского типа. По аналогии с керамикой более северных памятников, найденных на территории Сумской области, таких как поселения Марьяновка и Вольницево (Городок) на Сейме, марьяновский слой которых датируется XVII в. до н. э., наше жилище может быть отнесено к этому же времени. Период жизни его обитателей на поселении представляется возможным синхронизировать с абашевско-многояликовым горизонтом поселения Ильичевка.

3. К следующему периоду в жизни поселения относятся два жилища раннесрубного времени. По форме и размерам они близки ильичевским. Судя по керамике их можно датировать XV—XIV вв. до н. э. и синхронизировать с раннесрубным горизонтом ильичевского поселения. Одно из этих жилищ перекрывает наземное жилище с марьяновской керамикой, что говорит о смене на исследуемой территории марьяновского населения раннесрубным.

4. Третий период представлен двумя наземными жилищами и полуземлянкой с керамикой аналогичной Студенку 2,5. Основываясь на новейших исследованиях, поселение Студенок 5 и близкие к нему памятники датируются рубежом XIII—XII вв. до н. э. Судя по керамике к этому же или несколько более позднему времени, относятся и жилища исследуемого поселения. На основе полученных материалов прослеживается зарождение керамики типа Малых Будок, которая генетически связана в свою очередь с более поздней бондарихинской.

5. Последний период жизни поселения в эпоху бронзы представлен наземным жилищем с керамикой собственно бондарихинской культуры и фрагментами кубков позднего бронзового (предскифского) времени. Его предварительная датировка сер. XI—X вв. до н. э.

6. Таким образом подводя итоги изучения поселения Лысый Горб следует отметить, что оно заселялось в эпоху бронзы последовательно четыре раза.

В материалах поселения отсутствуют факты подтверждающие гипотезу о происхождении бондарихинской культуры от памятников марьяновского типа. Имеются все основания связывать ее происхождение с памятниками типа Студенка 5.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ БОНДАРИХИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

1. Со времени открытия на территории Днепровского Лесостепного Левобережья бондарихинской культуры существует гипотеза о ее генетической связи с марьяновской культурой Черниговского и Новгород-Северского Полесья периода ранней бронзы. В качестве переходных между ними рассматриваются памятники малобудковского типа, открытые впервые на территории Сумской обл. в начале 1950-х годов. Основанием для выделения т. н. «марьяновско-бондарихинской» культуры послужило некоторое сходство в орнаментации керамики марьяновского и малобудковского типов при бесспорном родстве последних с собственно бондарихинскими.

2. Однако новые полевые исследования не подтверждают реальность существования генетических связей между марьяновской культурой и памятниками малобудковского типа. До настоящего времени не удалось обнаружить ни одного поселения, где бы стратиграфически было зафиксировано перерастание одной культуры в другую. Обращает внимание наличие не менее 300-летнего хронологического разрыва между памятниками этих типов. Не в пользу анализируемой гипотезы свидетельствует и несовпадение их этнокультурных ареалов.

3. В то же время, в последние годы были получены новые материалы, позволяющие наметить иную линию этногенетического развития племен бондарихинской культуры. Так, на поселении и грунтовом могильнике у с. Студенок (пункты 5 и 6), обнаружены самые ранние комплексы с круглодонными сосудами, украшенными ямочно-гребенчатым и ложнотекстильным орнаментом, а также плоскодонные горшки малобудковско-бондарихинских типов. Стратиграфические наблюдения указывают на их появление в бассейне Сев. Донца на рубеже XIII—XII вв. до н. э. В круг памятников типа Студенка входят поселения у сел Подлиман на Осколе, Завгороднее, Лагери (уроч. Лысый Горб) и Петровское на Сев. Донце. Жилые постройки и предметы материальной культуры этих поселений имеют прямые аналогии среди различных памятников позднего бронзового века Волго-Окского междуречья.

4. Большое значение для понимания сложения бондарихинской культуры имеют раскопки поселений и погребений позднесрубной культуры у сел Меловая, Снежковка, Студенок, Сухая Гомольша и Тимченки. Материалы этих и др. памятников показывают, что не все позднесрубное население покинуло бассейн Сев. Донца и прилегающие территории. Оставшаяся его часть выполнила роль субстрата при переселении из Волго-Окского междуречья с ямочно-гребенчатой и раннесетчатой керамикой.

5. В результате слияния пришлых и местных племен на территории Левобережной Лесостепи происходит сложение памятников малобудковского типа, которые под влиянием белогрудовской и белозерской культур, перерастают в собственно бондарихинскую культуру. Подтверждением такой линии этногенетического развития служит стратиграфия поселений у сел Груновка, Барановка и Фомин на Псле, Ницаха на Ворсклице, Родной Край, Тимченки и др. на Сев. Донце.

ШРАМКО Б. А.
(Харьков)

КУЗЕМИНОКЯЯ ПРИСТАНЬ И ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

1. В системе Бельского городища, отождествляемого с геродотовским городом Гелоном, имеется особое, расположенное в с. Куземин Сумской области, укрепление. Оно значительно отличается от всех остальных частей Бельского городища расположением, размерами, временем возникновения и характером культурного слоя. Валу Куземинского укрепления спускаются по склону к Ворскле, где в древности была расположена пристань и торговые склады.

2. Благополучие многих жителей Бельского городища-Гелона зависело от наличия привозного сырья (медь, олово, свинец, драгоценные металлы, поделочный камень и пр.). Представители верхушки местного общества получали в результате торговли расписную античную посуду, греческие вина, бусы из стекла, металлические украшения и прочие изделия греческих ремесленников. Импортные вещи в большом количестве найдены на городище и в окружающих его курганных могильниках.

3. Торговые связи могли осуществляться непосредственно торговцами из числа жителей Гелона и через посредников в лице греческих купцов и скифов. На существование местных торговцев указывает находка мерной линейки, соответствующей такой мере как «локоть». В качестве товаро-денег могли использоваться бронзовые слитки и их части. Точно указанный Геродотом размер одной из сторон города Гелона соответствует куземинскому участку укреплений Большого Бельского городища. Такие точные измерения могли быть сделаны только очевидцем, а место не случайно расположено вблизи торговой пристани.

4. Торговля велась не только с соседними поселениями и племенами, но и с отдельными центрами, с греческими городами Сев. Причерноморья. Бельское городище расположено на важном перекрестке торговых путей — водных и сухопутных. Расцвет поселения в значительной мере связан с развитием здесь ремесла и торговли. Видимо, еще в конце VIII в. до н. э. сюда попали такие вещи как бронзовый меч гальштатского типа и чернолесская булава. Самая ранняя античная керамика родосско-ионийских центров датируется VII в. до н. э. С VI в. до н. э. торговые связи значительно расширяются. На это указывают многочисленные находки керамики из Ионии, Хиоса, Фазоса, Аттики, Лесбоса и других центров. В начале III в. до н. э. жизнь на городище замирает.

5. До сих пор спорным является вопрос о причинах прекращения жизни на поселениях лесостепной культуры скифской эпохи, в том числе и на Бельском городище. Обычно это связывают с сарматским вторжением, но

это мнение оспаривается. Нет оснований полагать, что лесостепные поселения были завоеваны степными скифами, которые жестоко эксплуатировали местное население. Эта эксплуатация якобы привела к упадку экономики всей Скифии и способствовала крушению скифского степного царства в конце IV в. до н. э. На самом деле находки на Бельском городище свидетельствуют о значительном развитии торговли местного населения именно в IV в. до н. э. Не наблюдается и никаких следов военного разгрома. Вряд ли основную роль могли играть климатические изменения. Скорее всего, запустение лесостепных поселений в начале III в. до н. э. объясняется совокупностью целого ряда общих факторов; в том числе и изменением основных торговых путей, разрывом установившихся ранее торговых связей, без которых не могло успешно развиваться местное ремесло.

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ
НА ТЕРРИТОРИИ СУМЩИНЫ**

Сумская область, занимая территорию бассейнов верхнего течения Ворсклы, Псла, Сулы и среднего течения Сейма обладает значительным количеством памятников скифского времени. Среди них большую группу составляют курганы, расположенные преимущественно по правому берегу Сулы и её притокам Олаве, Ромену, Хмелёвке, Сімелю. Крупнейшие курганные группы находятся у сс. Аксютинцы, Басовка, Великие Будки, Волкозы, Герасимовка, Малые Будки, Плавинищи и др. Раскопки их начинаются с 70-х гг. 19 в., носят в большинстве случаев любительский характер и проводились на низком методическом уровне (Т. В. Гибальчич, С. А. Мазарани). Значительно отличаются исследования Н. Е. Бранденбурга, Н. Е. Максимова, Д. Я. Самоквасова, В. В. Хвойки, но даже они страдают многими недостатками: отсутствием чертежей рядовых погребений и суммарным их описанием. Раскопкам подверглась только центральная часть кургана, полы оставались неисследованными, поэтому ряд элементов погребального обряда не выяснен. Большую и плодотворную работу источниковедческого характера провела В. А. Ильинская по составлению свода данных о посульских курганах, которые получены ею в результате изучения опубликованных и рукописных отчетов о раскопках и сохранившихся коллекций вещей из этих курганов, разработана их хронология (Ильинская В. А., 1968). В бассейне Ворсклы раскопана группа курганов у с. Кириковка (Мельник Е. Н., 1905). Советскими археологами исследование погребальных памятников на Сумщине практически не проводилось. Раскопан только один курган у с. Малые Будки в Посулье. Здесь обнаружено коллективное погребение с сожжением деревянной конструкции (Махно С. В., 1953).

Поселения представлены городищами и селищами. Открытие и описание таких крупных городищ как Басовское (Хмелянское), Великобудковское и Глинское (Ляхнянское) принадлежит В. В. Хвойке (Хвойка В. В., 1905, с. 93). Значительная работа проведена В. Г. Ляскоронским. Им сняты планы и составлены топографические описания городищ и так называемых «змеевых валов» бассейнов Сулы, Псла, Сейма и Ворсклы (Ляскоронский В. Г., 1901, 1907, 1911). Городища Посеймья обследовал Д. Я. Самоквасов. Все известные к началу 20 в. памятники были отражены на карте Харьковской губернии (Багалея Д. И., 1905).

Из дореволюционных исследований следует назвать раскопки В. Е. Данилевича у с. Буды в бассейне Ворсклы и Н. Е. Макаренко в Посулье на Басовском и Глинском городищах.

Попытка систематизировать материалы о городищах скифской эпохи в бассейне Донца и Ворсклы принадлежит Н. К. Фуксу. Сравнивая особен-

ности внешних признаков оборонительных сооружений, он дает краткое описание 15 городищ, среди них 5 находится на Сумщине,—Боголюбовское, Зубовка, Каменское, Малый Истороп, Сосонка (Фукс Н., 1931).

В 1940 г. и в послевоенные годы многочисленные разведки в днепровском лесостепном Левобережье, в том числе по Ворскле, Суле, Пслу и Сейму на территории Сумщины, провел И. И. Ляпушкин. Он открыл много новых поселений скифского времени и выделил два хронологических этапа их существования (Ляпушкин И. И., 1961).

В 1950 г. В. А. Ильинская осуществила небольшие по объему раскопки на Ширяевском городище (Ильинська В. А., 1953), в 1947, 1957 и 1959 гг. исследовала самое крупное в регионе Басовское городище. Здесь изучены оборонительные сооружения, открыты остатки жилищ различных типов, получены материалы, характеризующие земледельческо-пастушеский быт местного населения, уточнена хронология поселения (Ильинська В. А., 1965). Ряд поселений Посеймья обследовал Д. Т. Березовец. Ему принадлежит и публикация остатков деревянного рала, обнаруженных в 1921 г. в торфянике у с. Токари (Березовец Д. Т., 1952). В связи с уточнением культурной принадлежности и времени существования этого рала Б. А. Шрамко в 1958 г. провел разведку на месте его обнаружения и открыл ряд жилищ скифского времени (Шрамко Б. А., 1961). Во время разведки 1967 г. он установил, что валы, известные к северо-западу от курганной группы № 3 у с. Великие Будки, представляют собой укрепления городища, названного Сечь (Шрамко Б. А., 1968).

Разведки и раскопки оборонительных сооружений городищ Каменское и Сосонка проведены в 1968 г. экспедицией Донецкого государственного университета под руководством автора (Моруженко А. А., 1975).

Несмотря на многочисленность и разнообразие памятников скифской эпохи Сумщины и определенные традиции в их исследовании, многие проблемы не решены и требуют дальнейших полевых работ. С нашей точки зрения необходимы:

1. новые раскопки курганов в бассейнах Псла и Суды для изучения устройства курганных насыпей и погребальных конструкций, получения антропологических серий;
2. доисследование курганов, раскопанных в дореволюционное время с целью изучения конструктивных особенностей;
3. изучение погребальных комплексов бассейна Сейма;
4. крупномасштабные раскопки поселений для выяснения преемственности с памятниками предшествующей эпохи и особенностей материальной культуры;
5. уточнение данных об устройстве оборонительных сооружений, для чего требуются не поперечные разрезы, а большие раскопы вдоль вала;
6. разведки в верховьях Хорола, где вообще археологические памятники скифского времени пока неизвестны, а также разведки в бассейне Псла.

ШЕКУН А. В.
(Чернигов)

КУРГАНЫ ПОСУЛЬСКОЙ ГРУППЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕРНИГОВЩИНЫ

Граница между зоной смешанных лесов и лесостепью, проходящая по обширной территории Черниговского Левобережного Задесенья и Сумской области, является одновременно и северной границей распространения курганов II—I тыс. до н. э. Расположенные южнее ее курганы пересекают территорию двух областей с ю-в на с-з. Наиболее многочисленная группа (около 700 курганов) заходит на территорию Черниговщины в Варвинский, Сребнянский, Талалаевский, Бахмачский, Борзнянский, Ичнянский и восточные части Прилукского и Нежинского районов из Полтавской области и Роменского, и Конотопского районов Сумской области. Эти курганы являются продолжением Посульской локальной группы, расположенной в бассейнах рек Сулы и Псла. Впервые отдельные курганы этого региона, в границах Черниговской области, упомянуты в материалах А. Ф. Шафонского (середина XVIII в.), в Черниговских губернских ведомостях и Черниговских Епархиальных известиях (вторая половина XIX в.). Сведения о некоторых курганах имеются в публикациях Гумилевского (1873—74 гг.), А. А. Спицына (1903), П. С. Уваровой (1906), Н. Е. Макаренко (1917), а также в кратких отчетах о раскопках отдельных курганов В. Б. Антоновича (1881), М. И. Лилеева (1898—1899), С. А. Мазараки (1907), Н. Е. Макаренко (1907), Е. Е. Черненко (1987). В 1980—84 г. А. В. Шекуну проведено обследование и картографирование курганов, что позволило установить массовый их характер на данной территории. Они располагались вдоль берегов рек и болот, на водоразделах и всхолмлениях среди заболоченных низин, разбросаны на полях.

В большинстве группы из 2—10 насыпей, иногда вблизи концентрируется несколько таких групп, а число курганов достигает до 50.

Многие насыпи в результате длительной распашки уже не фиксируются. Основная масса раскопанных курганов представляет собой холмообразные всхолмления высотой 0,5—2,5 м, диаметром 10—40 м. На данной территории известно около 40 нераскопанных курганов. Форма их насыпей конусовидная, куполообразная, отдельные имеют вид усеченного конуса. Они сохраняют высоту 1,5—6 м. Самый большой из сохранившихся на Черниговщине курганов—Высокая Могила—его высота 8 м, диаметр 57 м. Он расположен у с. Курилровка Нежинского района. Значительной высоты (5—6 м) сохраняются курганы у сел Безводовка, Крупичполе Ичнянского района, Комаровка Борзнянского района, Калюжинцы Сребнянского района и др. Среди курганов есть т. н. Робленицы. Это большие курганы, имеющие в центре насыпи яму, образовавшуюся в результате селитренного производства в XVII—XVIII вв.

Вероятно, основная масса курганов была возведена в эпоху бронзы.

В этом регионе учтено 27 раскопанных курганов. В 21—погребения эпохи бронзы были основными (М. И. Лилеев 1898—1899 гг. раскопки в Нежинском уезде; Н. Е. Макаренко 1907 г. с. Иваница Ичнянского района, Озеряны и Брагинцы Варвинского района и Сокиринцы Сребнянского района). Погребения совершались в срубках и курганных ямах. Большинство их были безынвентарными: погребенный находился, как правило, в скорченном положении, на боку, в отдельных случаях костяк окрашен охрой. Погребальный инвентарь: молоты-топоры, каменный полированный топор, кремневые наконечники стрел, бронзовая пронизка, кусочки янтаря, астрагалы, зуб носорога.

Два кургана были возведены в эпоху бронзы и использовались для вторичных захоронений в скифское время (Т. В. Кибальчич, 70-е годы XIX в. с. Красный Колядин; Е. Е. Черненко, 1986 г. с. Скибовщина) и только 4 кургана, из 27 исследованных, содержали, как основные, парное или одиночное погребение скифского времени (Т. В. Кибальчич, с. Красный Колядин 1907 г., В. Б. Антонович, 1881 г. пгт. Борзна; Н. Е. Макаренко, 1907 г., с. Обмачев). Сопутствующий погребениям скифского времени инвентарь: меч, чешуйчатый панцирь, колчаные наборы из бронзовых наконечников стрел, железные наконечники и вток копья, бронзовый скипетр, железные и бронзовые удила, псалии, золотые и бронзовые бляшки с зооморфными изображениями, бронзовые ножные и ручные браслеты. Погребальный обряд и инвентарь, подвергшихся исследованиям курганов, близок погребениям Посульской группы, что позволяет рассматривать курганы, заходящие на территорию Черниговщины со смежных районов Сумской и Полтавской областей, как продолжение Посульской группы и датировать их VI—V вв. до н. э.

Наличие большого количества курганов II—I тыс. до н. э. в этом регионе позволяет говорить о проникновении кочевых племен (в том числе кочевых скифов) в самые северные области лесостепи и южную зону смешанных лесов. Окончательная научная интерпретация этих памятников возможна лишь после их более широкого археологического исследования.

КОСИКОВ В. А.
(Донецк)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ БРОНЗЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАНОВ У С. АКСЮТИНЦЫ

Исключительно информативным историческим источником являются скифские художественные бронзы, изучению которых всегда уделялось большое внимание исследователей (В. А. Ильинская, А. И. Тереножкин, Т. Б. Барцева). Обнаруженные в разное время в курганах у с. Аксютинцы бронзовые изделия свидетельствуют о настоящем техническом творчестве и эстетическом вкусе литейщиков раннего железного века на территории юга Восточной Европы. На основе программы, написанной на языке ФОРТРАН, обработанной в операционной системе ОС 6:1 на ЭВМ ЕС-1033, удалось определить происхождение медных руд — сырья для получения сплавов на медной основе. Исходными данными послужили спектроаналитические исследования металла, проводившиеся в лаборатории ИА АН СССР (Т. Б. Барцева).

Самой многочисленной коллекцией бронзовых предметов являются бляхи: Из тридцати анализов находок этого вида ни один результат не отнесен к категории «не определенное». Пять блях четко обозначены как изделия, изготовленные из руд сырьевой базы литейщиков античных городов Северного Причерноморья; три — мастеров Северного Кавказа. Остальные экземпляры соответствуют анализам металла, который вторично использовался в производстве при подготовке сплавов необходимой рецептуры. Но и в этом случае можно относительно точно определить наличие медных руд из других месторождений. Так в 16 бляхах зафиксирован металл ремесленников античных городов, в 12 — литейщиков Северного Кавказа и только в трех изделиях — присутствие сырья мастеров Правобережья Днепра.

Не менее сложная картина вырисовывается при исследовании бронзовых налбоников и наносников. Все пять экземпляров не удалось четко «привязать» к месторождениям раннего железного века, так как они отлиты из металла, вторично использовавшегося в производстве. Однако и в этом случае в изделиях присутствует металл городов-полисов Северного Причерноморья. Но, в отличие от бронзовых блях, в четырех изделиях имеется металл точного происхождения (Волго-Камья и Волго-Уралья).

Из пяти анализов бронзовых удил только один отнесен к категории «не определенное». Точную «приписку» получило изделие из кургана Старшая Могила, изготовленное из сырья рудных баз бронзолитейщиков античных городов Северного Причерноморья. Остальные — являются результатом вторичного использования, переплавки металла для изготовления нового сплава. В двух — присутствует металл рудных баз ремесленников Северного Кавказа,

Анализы бронзовых псалиев показали, что два экземпляра не возможно отнести к известным месторождениям раннего железного века на территории юга Восточной Европы; два — курган Стайкин, Верх — получены в результате обмена уже готовых изделий или сырья из античных городов Северного Причерноморья; один — ведет свое происхождение от рудных баз Волго-Уралья; два — изготовлены из металлов вторичного использования, где присутствуют сплавы восточного происхождения и рудных месторождений бронзолитейщиков Северного Кавказа.

Среди пяти экземпляров бронзовых зеркал, три изготовлены из металла вторичного использования. Однако во всех трех присутствует сплав литейщиков Северного Кавказа, античных городов-полисов и руд восточного происхождения. Одно зеркало четко «привязывается» к месторождениям, которые использовались античными мастерами и одно осталось в серии «не определенной».

Наиболее удачным является исследование анализов бронзовых наверший из кургана Старшая Могила. Все четыре изделия достаточно четко соотносятся с сырьевой базой бронзолитейщиков Волго-Камья. В частотных спектральных анализах отмечается примерно равное количество естественных примесей: мышьяка, сурьмы, никеля, кобальта, висмута и серебра.

Более сложное положение возникло при определении месторождений медных руд, использовавшихся при изготовлении бронзовых колокольчиков, прикреплявшихся к металлическим навершиям для шумового эффекта. Только один экземпляр определен как изделие ремесленников Северного Кавказа. Четыре колокольчика выполнены из металлов вторичного использования, среди которых преобладают сплавы мастеров античных городов Северного Причерноморья и Северного Кавказа.

Таким образом из 60 бронзовых предметов скифского времени, обнаруженных в курганах у с. Аксютинцы, 65 % изготовлены из металла вторичного использования, 6,6 % не соотносятся с известными месторождениями медных руд на территории Восточной Европы, 28,4 % получены в результате обмена уже готовых изделий или медных руд сопредельных областей.

Аналогичный метод к решению проблемы происхождения бронзовых изделий может быть рекомендован для исследования истории металлургии и металлообработки других времен и народов.

ПУЗИКОВА А. И.
(Москва)

ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

1. Начало планомерного изучения археологических памятников относится лишь к середине XIX в. (работы А. Дмитриюкова, Д. Я. Самоковсера, А. Н. Александра).

2. Оживление археологических исследований начинается в послевоенные годы. Вызвано оно было изучением вопросов славянского этногенеза. Одновременно успешно разрабатывалась тематика юхновской культуры, датирующейся VI—III вв. до н. э. (М. В. Воеводский; И. И. Ляпушкин; Б. А. Рыбаков; А. Е. Алихова; П. И. Засурцев; Н. К. Лисицина; О. Н. Мельниковская; И. Г. Розенфельдт; Т. Н. Никольская).

3. Толчком для наиболее масштабных полевых исследований на территории Курской области послужило проектирование (в 1969 г.) и начало строительства (в 1977 г.) Курского водохранилища на р. Тускари под Курском, в результате которого на проведение археологических работ выделялись значительные суммы.

4. Согласно научным интересам сотрудников Института археологии АН СССР, входящих в состав Курской экспедиции, наиболее полному исследованию подвергались памятники раннего железного века (скифодных культур VI—V вв. до н. э.); памятники I половины I тыс. н. э. (черняховские и эпохи великого переселения народов), а также раннеславянские (так называемой роменской культуры или северянские).

5. Памятники I пол. I тыс. н. э. изучались Черняховским отрядом под руководством д. и. н. Э. А. Сымоновича. Раскопкам подверглись поселения Букреевка-2 и Каменево-2. На поселениях исследованы остатки фундаментов жилых построек, выявлена планировка поселков, выбрано большое количество хозяйственных и столбовых ям. Керамика и находки, обнаруженные на поселениях, показывают сложность процессов, происходивших на территории Курского Посеймья в это время. Обломки бронзовых фибул в совокупности с другими находками дают дату поселения Букреевка-2. Селище было обитаемо в III—IV вв. н. э. Поселение Каменево-2 датируется концом IV—началом VI в. н. э. (железные фибулы балтийского типа в совокупности с другими материалами).

6. Изучением роменских памятников занимался отряд под руководством А. А. Узянова. Отряд произвел раскопки двух городищ, курганного могильника и селища в среднем течении р. Тускарь у с. с. Мешково, Жерновец и Переверзево. Работы роменского отряда выявили в расположении памятников несколько микрорегионов, являвшихся, видимо, территорией родовых, кровно родственных коллективов. На городище Переверзево II исследованы

остатки 23-х сооружений, группировавшихся в 4 усадьбы; намечена планировка поселка. Характер находок: большое количество привозных вещей из бронзы и серебра, а также обилие костей диких животных, являвшиеся предметом охоты, позволили автору раскопок сделать вывод о том, что на городище обитала родовая или племенная верхушка, основными занятиями которой являлись торговля и охота. А. А. Узянову удалось расчленить памятники Тускарки на 2 хронологические периода: IX—нач. X в. и середина X в. н. э.; а также выделить особенности этого, самого северо-восточного региона романской культуры (наличие наземного домостроительства; раннее проникновение глинобитных печей и превосходной гончарной керамики).

7. Работы скифского отряда Курской экспедиции были сосредоточены в основном на скифских памятниках VI—V вв. до н. э. За время работ была полностью исследована площадка городища Переверзево I. Частично: городища у с. Глебово; поселения за валом городища Переверзево I; поселения Жерновое-3. На многослойном поселении Переверзево II вскрыто ок. 2000 м² площадки. Эталонным памятником скифского времени является городище Переверзево I, раскопанное полностью. Поселок имел мощную оборонительную систему, состоящую из трех параллельных деревянных стен с забутовкой между ними и двумя рядами с внешней стороны. Линия укреплений шла по всему периметру городища. На площадке, огороженной укреплениями, исследованы остатки 15 жилищ, относящихся к типу наземных построек, слабо углубленных в землю, с плетневым каркасом, обмазанным глиной и обожженным.

Находки: орудия труда (железные серпы, ножи, долота, шилья, тесла); украшения (булавки, браслеты, гривна, кольца, привески); литые бронзовые наконечники стрел; украшения конской узда; многочисленные бытовые подделки из кости, камня и глины свидетельствуют о высоком уровне развития мастерства и профессионализма жителей поселка. Сравнительный анализ керамики и вещевого комплекса позволяет сделать некоторые исторические выводы. Основной слой городища относится к скифскому времени и датируется VI—V вв. до н. э. В середине V в. до н. э. скифское население было вытеснено населением южновской культуры, продвинувшимся сюда с бассейна р. Десны. Смена не была мирной, т. к. на городище прослеживается слой пожара — след насильственного сожжения поселка. Однако, само южновское население здесь почему-то не задержалось, так как след оставленных южновских поселений — минимален. В последующее время вплоть до XVII в. городище не было обитаемо.

8. Проблемы (как и всюду): недостаток кадров и финансов, а также невозможность своевременной публикации раскопанных материалов.

ГАВРИШ П. А.

(Полтава)

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В БАССЕЙНЕ ПСЛА

Область Днепровского лесостепного Левобережья в скифское время являлась важным этнокультурным регионом Геродотовой Скифии. Исследователями установлено, что здесь проживали различные по происхождению, этносу и материальной культуре земледельческо-скотоводческие племена. Ограниченность письменных данных, а также недостаточная изученность археологических памятников не позволяют пока ученым прийти к единому мнению по проблеме этногеографии Левобережья скифской эпохи.

Важным и наименее изученным остается район бассейна р. Псел и ее притоков. В дореволюционное время тут проводили полевые изыскания К. П. Сосновский, Н. Е. Брандбург, С. А. Мазараки; В. В. Хвойко, В. Г. Ляскоронский, В. А. Городцов и др. Их исследования часто ограничивались описанием внешнего вида памятника и редких археологических находок, лишь в отдельных случаях велись небольшие по масштабу раскопки.

В советское время исследовательские работы на Псле были возобновлены в 40-х годах И. И. Ляпушкиным. Занимаясь проблемой происхождения и исторических судеб народов Днепровского лесостепного Левобережья в эпоху железа, он осуществил разведки почти по всему течению Псла. Однако следует отметить, что, несмотря на масштабность работ, сплошного и тщательного обследования местности по всей линии маршрута не велось, а шло по заранее отмеченным точкам, упоминаемым в литературе. Тем не менее, исследования И. И. Ляпушкина имели важное значение, так как ему впервые удалось установить принадлежность к скифскому времени ряда памятников уже известных в археологии края и открыть новые.

Новую попытку масштабного изучения скифских древностей на Псле в 50—60-х годах предприняла В. А. Ильинская. Она провела разведки по течению реки в пределах Украины, осуществила небольшие раскопки Кнышовского городища близ г. Гадяча и могильника у с. Дудчинцы. В результате был получен интересный археологический материал, значительно дополняющий наши знания о жизнедеятельности лесостепных племен Попселья.

В 80-х годах изучение памятников VII—III вв. до н. э. в бассейне р. Псел оживилось. Усилиями экспедиций Института археологии АН СССР и АН УССР, сотрудников Курского, Сумского и Полтавского областных историко-краеведческих музеев источники скифского времени значительнополнились. Экспедицией Полтавского пединститута в 1986—1987 гг. были проведены разведки в среднем течении Псла и его притоках, а в 1988 г. начаты планомерные раскопки Кнышовского городища. В настоящее время в бассейне Псла известно 13 городищ, несколько могильников и десятки селищ скифской эпохи.

Археологические материалы скифского времени Писля использовались во многих работах разными исследователями. На сегодня имеется лишь одна, специально посвященная этой теме, обобщающая работа В. А. Ильинской (Ильинская, 1957, с. 232—249). Автор использовала данные дореволюционных исследований и широко представила результаты своих полевых изысканий. Более поздние публикации, касающиеся характеристики материальной культуры и этногенеза местного населения, базируются в основном на вышеупомянутой работе.

В советской историографии скифские памятники бассейна Писля трактовались по разному, исходя из авторских концепций этногеографии Скифии. В свое время И. И. Ляпушкин настаивал на этнокультурном единстве (т. н. «золотничная культура») в раннем железном веке на Днепровском лесостепном Левобережье, а локальные особенности в материальной культуре населения Сулы, Писля, Сейма, Ворсклы, Северского Донца объяснял исключительно хронологическими различиями. Против такого подхода выступили В. А. Ильинская, Б. А. Шрамко, Г. Т. Ковпаненко и другие исследователи, показавшие на конкретном археологическом материале своеобразие материальной культуры в разных районах Левобережья, особенно на раннем этапе их существования. В. А. Ильинская отстаивала мнение об этнокультурном единстве памятников Сулы и Писля, которые не имеют местных генетических корней и являются собственно скифскими по этносу. Противоположной точки зрения придерживается Б. А. Шрамко, предполагая автохтонное происхождение населения скифской эпохи Среднеднепровского Левобережья. Бассейн Писля, по его мнению, относится к ареалу правобережно-ворсклинской культурно-исторической общности.

Изучение памятников скифского времени в бассейне Писля в последние годы позволяет говорить о культурно-этнической неоднородности местного населения. Опираясь на данные полевых исследований, можно выделить три локальных группы памятников:

1. Верховье Писля и его притоки (в основном в пределах Курской области) является районом соприкосновения с населением юхновской культуры, памятники которой получили здесь значительное распространение.

2. Среднее течение Писля (примерно от г. Мирополье до г. Шишаки) в VII—III вв. до н. э. было заселено земледельческо-скотоводческими племенами, близкими по облику материальной культуры населению Посулья.

3. Междуречье Писля и Ворсклы (бассейны реки Грунь-Ташань и ее притоков) имеет заметное влияние ворсклинской локальной группы памятников VII—VI вв. до н. э.

На территории правобережных притоков Писля (реки Хорол и Грунь) памятников скифского времени пока не обнаружено, что, по-видимому, объясняется малопригодными природно-ландшафтными условиями для развития земледелия.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. Н. Э. В СУМСКОЙ ОБЛАСТИ

1. Территория Сумской обл. слабо изучена в отношении древностей первой половины I тыс. н. э., не связанных с черняховской традицией и представленными позднезарубинецкими памятниками (ПЗП) и киевской культурой (КВК). Ряд таких памятников был выявлен экспедицией Е. А. Горюнова (1981) и др., но все же их число крайне мало по сравнению с соседними Черниговской, Курской и Белгородской обл. Наличие памятников КВК на Сумщине подтверждается также результатами раскопок поселений Беседовка (Махно, 1955) и Курган Азак (Сухобоков, 1975).

2. В последние годы группа памятников первой половины и середины I тыс. н. э. обнаружена в ходе разведок В. В. Приймака и других сотрудников Сумского краеведческого музея и Левобережной славяно-русской экспедиции под руководством О. В. Сухобокова в бассейне р. Ворсклицы на территории Тростянецкого р-на. В 1988 г. на двух из них автором были проведены охранные исследования.

3. Поселение Солдатское 5 занимает невысокий мыс первой надпойменной террасы левого берега реки в 0,3 км к северо-западу от окраины села. Зачистка берега и небольшие раскопки показали, что здесь имеются слои эпохи бронзы, первых веков н. э. и XVIII—XX вв. Особый интерес представляют остатки пода очага (1,5x0,4 м), вымощенного черепками груболепных сосудов и кусками железных шлаков. Отсюда происходят фрагменты восьми горшков средних размеров с грубо сглаженной поверхностью и примесью шамота в керамической массе, а также ряд менее выразительных обломков (рис.). Особенности данного керамического комплекса указывают на его близость к наиболее поздним ПЗП Днепровского Левобережья (Жерновец, Картамышево 2), поэтому его можно датировать около середины II в. н. э.

4. Памятник Рябовка расположен между сс. Рябовка и Ницаха на обширной (460x50—120 м) невысокой (1,5—2 м) дюне в пойме правого берега Ворсклицы. Здесь на песчаных выдувах ранее были обнаружены остатки трупосожжений, железная пряжка, несколько пряслиц КВК, а также бронзовые подвеска-лунница и подковообразная фибула с выемчатой эмалью. На памятнике, занимавшем среднюю и северную часть дюны, вскрыто 650 кв. м. Оказалось, что плантажной вспашкой он почти полностью разрушен, находки встречены преимущественно в плужных бороздах. От небольшого поселения сохранились основания восьми хозяйственных ям, содержавших многочисленные фрагменты посуды, обломок пряслица, части железной поясной скрепы и др. Южнее располагался могильник—здесь обнаружены

четыре ямы с углистым заполнением, обломки кальцинированных костей и ошлакованной керамики, а также вышеупомянутая фибула. На северной оконечности дюны находилось скопление шлаков, некогда перекрывавших сплошным слоем следы двух больших костров. Связаны ли шлаки с каким-либо производством или с местом кремации, могут показать специальные исследования их состава. По типологии лепной керамики и находкам вещей с эмалью Рябовку следует отнести к раннему этапу КВК лесостепного Днепро-Ровского Левобережья и датировать около III в. н. э.

5. Таким образом, интенсивные народнохозяйственные работы в поймах рек Сумской обл., где зачастую расположены памятники ПЗП и КВК, постоянно приводят к их уничтожению, что существенно обедняет наши представления о ходе культурно-исторических процессов в этом регионе. Сложилась ситуация, требующая принятия экстренных мер по выявлению, постановке на учет и исследованию памятников первой половины I тыс. н. э., представляющих большую ценность при рассмотрении проблем славянского этногенеза.

НЕКРАСОВА А. Н.
(Киев)

ОХРАННЫЕ РАСКОПКИ НА ПАМЯТНИКАХ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ У СЕЛА БОРОМЛЯ

Могильник и поселение черняховской культуры обнаружены Приймаком В. В. во время разведки в 1986 г. на юго-западной окраине с. Боромля Тростянецкого р-на Сумской обл., раскапывались автором в 1987—1988 гг.

Могильник занимает западную часть мысовидного выступа шириной 250 м правого коренного берега р. Боромля. С востока мыс ограничен старой обводненной балкой, на противоположном пологом склоне которой расположено большое поселение площадью не менее 400х150 м. Следы поселения обнаружены и на краю восточного крутого склона мыса в 100 м от могильника (рис. : 1). Здесь при разведке 1986 г. был расчищен глинобитный двухъярусный гончарный горн, забитый обломками черняховской посуды, а разведочная траншея 1987 г. показала наличие культурного слоя поселения, насыщенного фрагментами обожженной обмазки от стен глинобитных построек. В слое обнаружена своеобразная литая бронзовая, покрытая слоем олова фибула, по морфологическим признакам (полукруглый верхний щиток и трапециевидная ножка с боковым приемником) относящаяся к позднему этапу черняховской культуры (рис. : 3). Вторая фибула медная с высоким приемником и гофрированными кольцами по корпусу (рис. : 2), датируемая III—рубежом IV вв., найдена над культурным слоем в смыве и, скорее всего, не связана с черняховским поселением, а относится к более раннему горизонту, о наличии которого свидетельствуют отдельные фрагменты лепной керамики киевской культуры.

Раскопки 1987—88 гг. на могильнике показали, что его территория сильно нарушена хозяйственными земляными работами, а верхний слой почти весь содран и использован при засыпке старых силосных траншей, в заполнении которых в большом количестве встречались кальцинированные косточки и фрагменты вторично обожженной черняховской керамики из разрушенных погребений с трупосожжениями. На вскрытой площади 350 кв. м, непо потревоженными остались только более глубокие погребения с труположениями. Исследовано 12 таких захоронений, 3 из них западной ориентации безынварные и 9—северной, сопровождавшиеся гончарными сосудами от 4 до 11 в каждом. Одно погребение с северной ориентацией и одно с западной ритуально нарушены. Инвентарь погребений характерен для позднего этапа черняховской культуры и синхронен исследованному участку поселения. Наиболее поздними в серии находок являются парные бронзовые подвязные фибулы длиной 6 см из погребения № 11, датируемые концом IV—началом V вв. (рис. : 4,5). Эту датировку подтверждает и уникальный случай перекрытия погребения с западной ориентацией и поздними по-

лиэдрическими бусами синего стекла № 10 погребением северной ориентации № 7 с парой бронзовых воинских фибул (рис. : 10—13). Последние несут следы ремонта и, видимо, использовались в течение длительного времени.

С одной стороны, поздняя датировка Боромлянського могильника, как и остальных, раскопанных на Сумщині черняхівських могильників (Сумського, Успенського, Садовського), підтверджує пізніше время (вторая треть IV—начало V вв.) распространения черняхівської культури на этой территории. С другой стороны находка ранней фибулы с высоким приёмником, характерной для западных памятников Украины, а также случайная находка черняхівського погребения в с. Великий Самбор, датированого стеклянным кубком III—серединой IV вв., позволяют ставить вопрос о проникновении мелких групп носителей черняхівської культуры на Левобережье Дніпра еще на рубеже III—IV вв.

РОМАНОВА Г. А.
(Ленинград)

ЧЕРНЯХОВСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ У С. АРТЮХОВКА

Название с. Артюховка Роменского р-на Сумской обл. появилось в археологической литературе после публикации Н. Е. Макаренко сведений о двух лепных сосудах из разрушенного распахкой могильника в урочище «Дрибны могилы» (Н. Е. Макаренко, ИАК № 43, СПб. 1911, с. 118, 119, р. 99).

Днепровская Левобережная экспедиция на протяжении ряда лет обследовала окрестности с. Артюховка и поречье рек Сула и Локня в этом районе. Во время первого обследования были открыты поселения черняховской культуры у сел Хоминцы — 1, 2 и Артюховка — в Долгом яру (Горюнов Е. А. Отчет о работе ДЛЭ в 1972 г., с. 15—Архив ЛОИА АН СССР).

В 1974 г. поселения были обследованы вторично и найдены еще два черняховских поселения в окрестностях сел Артюховки и Лесковщины — в Стрижаковой балке и балке Вурвулиха (Горюнов Е. А., Романова Г. А., Пескова А. А. АО за 1974 г., М., 1975, с. 269—270). Поселения Хоминцы 1, 2 лежат на правом берегу р. Локня, поселения в окрестностях Артюховки занимают изрезанный балками правый берег р. Громадьска. Представляет интерес то, что в списке рек Днепровского бассейна река с таким названием отнесена к Зеньковскому уезду без определения ее местонахождения (Маштаков П. А. Список..., СПб. 1913, с. 231).

Сосуд, опубликованный в 1911 г., относится к виду VII по классификации Е. А. Горюнова (Е. А. Горюнов. Ранние этапы истории славян Днепровского Аевобережья. Л., 1981, с. 18, рис. 3—VII). Наибольшее распространение этот тип сосудов имеет в колочинской керамике, но сходные формы есть и среди посуды киевской культуры (Терпиловский Р. В. Ранние славяне Подесенья 3—5 вв., Киев, 1984, с. 76). Поиски могильника результата не принесли, но на поселении Хоминцы I наряду с черняховской и древнерусской гончарной керамикой найдены фрагменты лепных колочинских горшков. К сожалению, этот пункт у Е. А. Горюнова не попал в сводку колочинских памятников и раскопками не исследован.

На поселении в урочище Долгий яр Артюховка, где были найдены фрагменты лепной и черняховской гончарной керамики, в 1974 г. был заложен небольшой раскоп, доследованный в 1977 г. В течение двух полевых сезонов на нем полностью раскрыто наземное глинобитное каркасное двухчастное жилище.

Поселение расположено на широком пологом мысу правого берега реки Громадьска, слева от грунтовой дороги из с. Локня в г. Ромны. Мыс образован поворотом поймы реки и мокрой балкой Долгий яр. Возвышенная

часть мыса под пашней, на сниженной части заметны следы хуторскихстрое- ний, перекрывавших черняховское поселение в северной части.

Всего на поселении раскрыто 252 м², в разрезе раскопа заметны следы старой пашни до глубины 0,3 м от современной поверхности, материк — желтый суглинок — лежит на гл. 1,0—1,2 м. Развалы жилища залежали на гл. 0,5—0,75 м.

Жилище состояло из восточной и западной частей, общая длина — 14,5 м, ширина 6,5 м, оно ориентировано длинными стенами север-юг. На глине обмазки сохранились отпечатки плетневого каркаса, обтесанных брусьев, плоских досок, соломы или травы. Под развалом западной стены сохранилась яма, возможно, от опоры центральной балки (диаметр 0,25 м, гл. 0,4 м).

В центре восточной части постройки располагался глинобитный очаг овальной формы, который имел с юго-востока подковообразную приставку. Рядом найдена прямоугольная зернотерка из кварцита, у восточной стены был расположен вертикальный ткацкий станок, от которого сохранились два ряда округлых грузиков.

В северо-западном углу западной половины был расположен еще один глинобитный очаг. Оба очага имели вымостки из обломков гончарных сосудов. Вымостка западного очага состояла из фрагментов кухонных горшков вымостка восточного — из фрагментов коричневолощеной реберчатой миски, миниатюрной грубой реберчатой миски, кухонных горшков. На полу восточной части найдены гончарная лощеная реберчатая миска и три гончарных кухонных горшка. У южной стены найдена расплюснутая спинка воинской бронзовой фибулы двухчленной, с узкой пластиной для оси пружины (Амброс А. К. Фибулы юга европейской части СССР. САИ вып. Д1-30, с. 70, табл. 10. 20). Там же найден железный втульчатый ромбический в сечении наконечник стрелы, вероятно, гунского времени

Эта находка относится к позднему горизонту поселения, происходит из заполнения ямы с колочинской керамикой, прорезавшей южную стену жилища.

Колочинская керамика концентрируется в северо-западной части раскопа и рядом с колочинской ямой. Планиграфия лепной и гончарной керамики по пластам (1—4 штык) показывает, что максимум лепной керамики приходится на 1—2 штык. Если учесть, что в развалы жилища был впушен черняховский очаг одинаковой с очагами из постройки конструкции, то колочинский слой относится не ранее, чем ко второй половине 5 в. н. э. Комплекс керамики жилища можно датировать по фибуле концом 4 в. н. э. Плохо сохранившиеся остатки наземной постройки верхнего черняховского строительного горизонта относятся к рубежу 4 — началу 5 вв. н. э.

Поселение Артюховка—Долгий яр является небольшим по территории и скорее всего было усадьбой одной семьи. Два других поселения у с. Артюховка — Стрижакова балка и балка Вурвулиха — удалены от реки, лежат в глубине балок, намного превосходят размерами Долгий яр.

В сборах с этих поселений лепной керамики колочинского типа нет, гончарная посуда представлена фрагментами лощеных, орнаментированных сероглиняных мисок и горшков, кухонных горшков с линейным орнаментом. В Стрижаковой балке найдены часть биконического пряслица, обломки глиняных грузиков от ткацкого станка. Датируют поселение Стрижакова балка фрагменты светлоглиняных амфор. Найдена часть горла с ручкой от светлоглиняной амфоры типа (Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология. КСИА № 156, с. 17—20).

Материалы поселений Долгий яр и Хоминцы 1 подтвердили присутствие в окрестностях с. Артюховка памятников колочинской культуры, к которой относится могильник в урочище «Дрибны могилы». Кроме того, выявлены два гнезда черняховских поселений.

ЖУРКО А. И.
(Сумы)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ И РАСКОПКИ НА СУМЩИНЕ В 1986—1988 гг.

Археологическая экспедиция Сумского государственного пединститута им. А. С. Макаренко в указанный период производила поиски новых и обследование ранее выявленных памятников археологии на территории Сумского, Лебединского, Краснопольского, Тростянецкого, Недригайловского и Ахтырского районов Сумской области. Выявлено 27 новых памятников. Среди них: 12 относится к скифскому времени, 15 поселений черняховской культуры. Заново обследовано 15 памятников. Из них: 4 относится к эпохе бронзы, 9 скифскому времени, поселения вольтинцевской культуры и курганный могильник древней Руси. На поселении Марьяновско-Бондарихинской культуры у пгт. Краснополье и черняховском селище у с. Кровное Сумского района осуществлены исследования рекогносцировочного характера.

Стационарные раскопки производились на двух черняховских поселениях у с. Косовщина близ г. Сумы, двух селищах черняховской культуры у пгт. Краснополье и черняховском поселении у с. Великий Бобрык Краснопольского района. В Косовщине 1 и 2 раскопками вскрыто 1796 кв. м площади и выявлено 4 полуземлянки, 15 хозяйственных ям. Полуземляночные жилища прямоугольной формы, размерами 10—15 кв. м., углубленные в среднем на 0,9—1,4 м от современной поверхности. Хозяйственные ямы округлых очертаний имели различные размеры: диаметр 0,7—2,15 м, глубина 1,1—2,5 м от современной поверхности. В заполнении жилищ и хозяйственных ям обнаружена исключительно гончарная керамика, как правило, с шероховатой поверхностью, а также изделия из глины, кости, железа, камня. На площади раскопа 2248 кв. м. поселения Краснополье-1 открыто 3 углубленных прямоугольной формы сооружения полуземляночного типа, размерами 6—15 кв. м., большое наземное двухкамерное каркасно-глинобитное жилище площадью 96 кв. м., напольный глинобитный очаг и 20 хозяйственных ям. Пять хозяйственных ям и глинобитный очаг относятся к скифскому времени, остальные объекты черняховские. В черняховском культурном слое основное место занимает круговая керамика, также, главным образом, с шероховатой поверхностью (85 %). Кроме керамического материала в слое и объектах выявлены изделия из глины, камня, железа, кости.

Комплекс керамических находок обнаружен и на черняховском поселении Краснополье-4, где вскрытая раскопками площадь составила 200 кв. м.

На селище у с. Великий Бобрык раскопано 1122 кв. м. площади и открыто 3 полуземлянки, 2 наземных жилища, углубленное хозяйственное сооружение, 4 хозяйственные ямы. Поселение двухслойное. Нижний слой относится к эпохе бронзы и представлен только керамическими находками.

Черняховский слой характеризуется разнообразными наборами гончарной столовой и кухонной посуды, изделиями из глины, камня, железа, бронзы, кости, стекла.

Толщина культурного слоя на всех упомянутых памятниках, где производились раскопки, не превышала 25—35 см. По площади они разные, но, как правило, не выходят за пределы 1,5—5 га и располагаются на южных склонах первых надпойменных террас с черноземными грунтами. Предварительно рассматриваемый нами круг черняховских поселений может быть датирован III—IV вв. н. э. Достаточно широки и аналогии древностям с черняховских селищ Сумщины, стоящих ближе всего, по нашему мнению, к материальной культуре с поселений позднеримского времени Курского Посеймья и Белгородщины.

ПОКАС П. М., РУДИЧ Т. А.
(Киев)

НАСЕЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ СУМЩИНЫ В IV—VI ВЕКАХ ПО ДАННЫМ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ

Исследования черняховских памятников IV—VI вв. н. э. на Сумщине проводятся уже около 30 лет. Однако антропологические материалы до сих пор не изучались. Нами исследованы две группы черепов и скелетов древних черняховцев из расположенных недалеко от Сум могильников Сад и Боромля раскопанных в последние годы А. Н. Некрасовой. Антропологическая серия из могильника Сад состояла из 7 мужских, 2 женских и 2 детских черепов. Серия из Боромли включает костные останки из 4 мужских, 5 женских и 2 детских погребений.

В целом черепа характеризуются умеренно массивным сводом, мезокранией, узким и средневысоким лицевым отделом. Горизонтальная профилировка его хорошо выражена. Нос выступающий, узкий. Орбиты высокие. Рост погребенных мужчин составлял по формулам А. Мануволе 169,5 см и является по общемировым классификациям средним. Рост женщин выше среднего — 167 см.

В результате статистического анализа измерений черепов установлено, что обе серии типологически неоднородны. Удалось выделить два основных антропологических типа: первый — широкоголовый, низколицый с некоторой уплощенностью лицевого отдела свидетельствующей о монголоидной примеси. Аналоги этого типа имелись среди групп сарматских черепов между речья Волги и Дона. О наличии сарматского компонента свидетельствует также присущая для этого этноса искусственная деформация черепа погребенного из П. 4 на могильнике Сад.

Второй — долихокраний массивный высоколицый европеоидный тип. Он распространен также среди поздних скифов Нижнего и Среднего Поднепровья, очевидно принимавших участие в формировании физических особенностей носителей черняховской культуры.

Исторические источники свидетельствуют о вхождении в состав черняховского населения восточных готов, возглавлявшихся в V в. н. э. их вождем Германарихом. Среди погребений черняховских могильников Левобережья встречены и трупосожжения не поддающиеся типологическому исследованию. Вероятно, они оставлены населявшими эту территорию протославянами, но не исключено именно эти погребения принадлежали пришельцам готам-германцам. Однако их генетическое влияние при рассмотрении физических особенностей погребенных по обряду ингумации на исследованных могильниках Сумщины не выявлено.

ТОПОГРАФИЯ, ПЛАНИРОВКА И ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО ПОСЕЛЕНИЯ БЛИЗ С. ВОЛЫНЦЕВО

1. Как известно, расположение на местности, планировочная структура и характер домостроительства являются существенными чертами раннеславянских памятников, как впрочем, и всякой археологической культуры вообще. Поэтому представляется весьма важным изучение этих элементов при рассмотрении дискуссионных памятников, каковыми являются древности волынцевской культуры. В связи с этим целесообразно рассмотреть названные элементы на эпонимном поселении у с. Волынцево Путивльского района Сумской области.

2. Поселение находится в урочище Стан и занимает протяженный низкий мыс р. Горны (приток Сейма). Мыс невысок (1—1,5 м на южном участке и 5—7 в месте перехода к плато) и полого спускается к берегу. Длина занятой поселением площадки составляет 560 м (С-Ю); при ширине основания 340 м наиболее узкая южная часть имеет ширину до 70 м. Сама площадка состоит из двух возвышенностей разделенных ложбинкой в 50 м шириной, при высоте 4,5—5 м. Первая из них занимает две трети всего поселения на южном участке площадки; именно здесь сосредоточено большинство выявленных построек. Следов искусственных оборонительных сооружений не обнаружено. Указанная ложбинка явно естественного происхождения, а не является остатками рва, как это полагал И. И. Ляпушкин. Некоторой защитой поселения служили окрестные леса и сильно заболоченная и сейчас местность.

Аналогичные топографические условия свойственны и подавляющему большинству других волынцевских поселений на всем Левобережье (Сосница, Вовки, Васильки и др.), что характерно и для более ранних славянских поселений. Изменение в топографии и характере их отмечается лишь с середины VIII в. н. э., что, несомненно, вызвано образованием и экспансией на территорию восточнославянских племен Хазарского каганата. По-видимому, к этому времени относится и появление Битицкого городища, по ряду особенностей занимающем исключительное место среди волынцевских памятников, да и вообще среди раннеславянских древностей В. Европы.

3. О планировочной структуре Волынцевского поселения мы можем судить на основании многолетних раскопок (1948—1949, 1953, 1965—1966 и 1980—1981 гг.). Вскрытая площадь составила 4800 кв. м., на которой расположена 51 постройка. Это дало возможность внести некоторые коррективы в высказанную Д. Т. Березовцом гипотезу о регулярной уличной планировке поселения (Березовец, 1953, с. 33; 1969, с. 8). Так оказалось, что нет оснований говорить о группировке жилых и концентрация хозяйственно-производственных комплексов в отдельных местах; не наблюдается и какой-либо системы в расположении жилищ по определенному плану. Так, неко-

торые из них располагались изблированно (№№ 14, 18, 20), иные в один ряд (№ 11, 12, 13). Расстояния между постройками составляют от 2—5 до 12—15 м. В целом, можно заключить, что здесь мы имеем дело с кучной застройкой, что свойственно всем раннеславянским поселениям широких территорий восточнославянского расселения.

4) По своему назначению все постройки можно разделить на две группы: жилые (46) и хозяйственно-производственные (5). При этом в зависимости от углубленности их от уровня древней поверхности жилища подразделены на два типа: полуземлянки (глубина 0,6—1,2 м) и землянки (свыше 1,2 м); количество первых 32, а вторых—14. По конструктивным особенностям устройства стен выделяются срубные и каркасно-столбовые. Последние преобладают (42) и, в свою очередь, могут быть сгруппированы в столбовые с обкладкой стен плахами (36,5 %) и столбовые с плетневыми стенами (54,7 %).

Срубные постройки составляют 7,8 %. Лучшее сохранилось жилище № 13, расчищенное Д. Т. Березовцом, выявившим четыре венца, находившихся в конструктивном порядке, срубленных «в обло».

Все жилища относятся к простейшему однокамерному типу, в плане имеющие подквадратную или прямоугольную форму углубленных в грунт котлованов, площадью от 12 до 36 кв. м. Количество больших жилищ невелико (3), все они рядом особенностей (в частности, наличием нескольких печей) отличаются от основной массы жилых сооружений. В II полуземлянках расчищены остатки входа в виде ступенек, облицованным деревом.

Ведущим отопительным сооружением служила вырезанная в материковом останце или в специально для этой цели сбитом глинобитном массиве из спондиловой глины (58,8 %). Свод печи возводился из специально приготовленных глиняных обожженных вальков—«конусов». Кроме обычных печей в ряде случаев выявлены печи, устроенные в подбье одной из стен, а также очаги (в 4 объектах).

В восьми жилищах (№№ 3, 4, 6, 17, 20, 23, 30, 44) обнаружены развалы глиняных массивных противней («жаровен»), зачастую монтировавшихся на сводах печей.

Еще одной существенной деталью жилищ Волынцевского поселения являются хозяйственные ямы, количественно преобладающие над аналогичными сооружениями, находящимися вне полуземлянок. Их размещение внутри жилого помещения нерегулярно, но более всего их обнаружено в южной части; в плане они имеют круглую (38 %) или овальную (62 %) форму, в сечении—цилиндрические или колоколовидные, глубина от пола—0,4—1,5 м. Ямы составляют важную деталь интерьера жилища, организация пространства в котором осуществлялась путем выделения рабочей части помещения (печь, предпечная яма, яма-хранилище). Последнее дает основания говорить о сложившихся традициях домостроительства на волынцевских памятниках, развитие которых отчетливо прослеживается в последующих памятниках роменской культуры, соответствующих новому этапу в жизни северян:

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ РУБЕЖ ПОСЕЙМЬЯ .

Археологические исследования на Верхнем и Среднем Сейме, проведенные авторами в 80-е гг. в связи с составлением Свода памятников истории и культуры, позволили довольно точно обозначить северо-восточную границу Курского Посеймья для I тысячелетия н. э.

Река Рать — первый значительный по величине правый приток верхнего течения Сейма и один из семи его наиболее крупных притоков, является не только четко выраженным природным рубежом Посеймья (геологическим, ландшафтным, почвенным), но и отчетливо выраженной северо-восточной границей распространения памятников археологических культур лесостепного Днепровского Левобережья.

Пограничное значение р. Рать для конца I тысячелетия н. э. было впервые аргументированно обосновано Д. Я. Самоковасовым в 1908 г. по материалам раскопок курганов и обследованию городищ.

Результаты разведки И. И. Ляпушкина 1947 г. позволили удревнить эту историко-культурную границу до середины I тысячелетия до н. э. и констатировать ее наличие во второй четверти I тысячелетия н. э.

Разведка Э. А. Симоновича и Ю. А. Липкина в 1961 г. обнаружила как поселения с черняховской керамикой, так и отдельные роменские памятники.

В 1979—1984 гг. авторами была проведена детальная разведка в нижнем и среднем течении р. Рать (26 км русла), в результате которой число археологических памятников в бассейне этой реки возросло до 40.

Хронологический диапазон древностей Рати охватывает II тысячелетие до н. э. — первую треть II тысячелетия н. э.

Результаты полевых исследований позволяют наметить определенные закономерности в расположении памятников разных культурно-исторических периодов. Таким образом мы получили возможность реконструировать структуру пограничного микрорегиона от эпохи первобытности до развитого феодализма.

Ранний этап заселения бассейна р. Рать относится к эпохе бронзы. Это три поселения в низовьях реки. Несколько большее количество памятников относится ко второй половине I тысячелетия до н. э. (юхновская и скифоидная культуры). Также немного на р. Рать памятников второй и третьей четвертей I тысячелетия н. э. По предварительным определениям это поселения киевской, черняховской и колочинской культур.

Значительную часть обнаруженных археологических памятников составляют поселения и курганы с лепной керамикой роменской культуры (2 городища, 16 селищ и остатки 9 курганных групп). Все эти памятники при-

урочены к правому коренному берегу реки и группируются в основном около Бесединского и Титовского городищ. Сами городища сравнительно невелики по площади, но их сопровождает целая свита неукрепленных поселений.

Не случайным является приуроченность гнезд роменских поселений к различным природным микроразнообразиям, разделенным естественными рубежами (Титовский комплекс — с темно-серыми лесными почвами и Бесединский — с серыми лесными почвами).

Предпочтительность подобных природных условий для хозяйственной жизни средневековья убедительно установлена археологическими и историко-географическими исследованиями и свидетельствует, что в ландшафте, для которого характерна большая пестрота природных условий, наиболее удобными для сельскохозяйственного использования на заре трехпольного земледелия были легкие, более удобные для обработки почвы, а наиболее богатые почвенные разновидности — черноземы в силу своих физических свойств использовались весьма незначительно.

Различна историческая судьба Бесединского и Титовского комплексов. В XII—XIII вв. у Титовского городища жизнь продолжалась лишь на трех из 13 поселений предшествующего периода, в то время как пригород Бесединского городища увеличивается по площади в несколько раз, его укрепленная часть достигает 18 га. Не прекращалась жизнь в этой округе и в золотоордынское время, а в начале XVII в. здесь располагалась «вторая Курская сторожа».

А в целом в бассейне р. Рать наблюдается характерная для Курского Посеймья тенденция к значительному увеличению числа поселений в роменское время в IX—X вв., их резкое сокращение в XI в. и концентрация населения в хорошо укрепленных и относительно многолюдных «Градах» в XII—XIII вв.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА СЕВЕРЯН VIII—НАЧ. XI ВВ.

Черты, присущие погребальному обряду северян накануне образования Древнерусского государства, хорошо известны по письменным источникам. Согласно недатированной части «Повести временных лет», север, равно как и радимичи, и вятичи, после тризны сжигали покойного «и посем собравше кости вложашу в судину малу и ставяшу на столпе». Аналогичный обряд, с кремацией на стороне и установкой урны в верхней части кургана, применительно ко всем славянам описывают арабские источники X в. Г. Ф. Соловьевой было установлено, что погребения, совершенные по этому обряду, составляют весьма компактную группу, соответствующую левобережному варианту роменской культуры и совпадающую с территорией, принадлежавшей исключительно объединению север.

Очевидна необходимость рассмотрения погребального обряда в динамике и прежде всего этапов его становления и исчезновения. Погребения начального периода могут быть вычленены на основе наличия в них керамики т. н. волынцевского типа, время бытования которой определяется сер. VIII—нач. IX в. (О. А. Щеглова, 1987; А. В. Григорьев, 1988). Курганы, содержавшие исключительно лепную роменскую керамику, в подавляющем большинстве не поддаются точной датировке. Время их существования может быть определено в целом IX—X вв. При сравнении этих двух групп погребений можно отметить ряд хронологических различий, позволяющих наметить основные тенденции в развитии роменского погребального обряда.

Оставляя в стороне спорный вопрос о наличии курганных насыпей в таких ранних могильниках, как Сосница, Волынцево, М. Будки—Константиново, отметим, что, придерживаясь точки зрения И. И. Ляпушкина и Э. Д. Бесарабовой о том, что эти могильники были курганными, вполне допустимо и существование бескурганных погребений для начального этапа культуры. Очевидным является тот факт, что большинство погребений, содержащих волынцевские материалы, были произведены на уровне древней дневной поверхности. Курганы относительно более позднего времени содержат погребения в верхней части насыпи. Исключение составляют лишь курганы, находившиеся в контактных зонах с верхнеокским, вятичским вариантом роменской культуры. Перемещение погребений в верхнюю часть насыпи началось еще на раннем этапе развития обряда, о чем говорят находки близкой к волынцевской керамики в курганах у д. Марьяновка и хут. Дорошевского (Д. Я. Самоквасов, 1916).

Кроме изменения положения урны в насыпи изменилось и количество погребений в кургане. Почти половина всех погребений, расположенных на

уровне погребенной почвы, содержала два и более сосудов с остатками кремации. В поздних курганах подобные явления единичны. Исключительно в ранних погребениях встречаются деревянные сооружения (З. Д. Бессарабова, 1973).

Можно говорить о том, что в начале своего развития погребальный обряд северян был близок к обрядам распространенным на соседних территориях родственных культур Верхней Оки и Среднего Дона. Однако уже в начале IX в. на территории северской земли складывается оригинальный и необычайно стандартный погребальный обряд, оставшийся неизменным вплоть до прекращения существования роменской культуры.

Отдельные черты социальной дифференциации, прослеживающиеся на раннем этапе, например, в материалах могильника у с. Волицево, позже полностью исчезают. Унификация погребального обряда на фоне быстрого поступательного развития материальной культуры северян не может говорить о каком-либо регрессе. Вероятнее всего, она отражает сложение какой-то идеологии, согласно которой определялось равенство людей перед смертью. Косвенно это предположение подтверждается весьма ранним появлением погребений, совершенных по христианскому обряду. Так, несколько труположений в ямах, ориентированных головой на запад и содержавших материал роменского типа, было исследовано П. И. Засурцевым у с. Липино. Погребения эти могут быть датированы последней четвертью X—нач. XI в.

После того, как в конце X—нач. XI в. жизнь на подавляющем большинстве роменских поселений прекращается, ведущим погребальным обрядом на Левобережье Днепра становится труположение на горизонте (А. П. Моця, 1988). Отсутствие каких-либо переходных типов обряда, как то кремация на стороне с установкой урны на горизонте, кремация на месте, однозначно указывает на отсутствие связи этого обряда с местным северянским. Существование различных типов обряда в пределах курганной группы не может говорить об их преемственности и тем более синхронности. Так, в хорошо исследованном комплексе памятников у с. Горналь роменские курганы датируются временем не позднее гибели городища, произошедшей в 70—80 гг. X в. Исследованные там же курганы с труположениями на горизонте могут быть отнесены ко времени не ранее середины XI в. Особенно важным представляется тот факт, что ингумация на горизонте сменила не только собственно роменский обряд погребения, но и появившийся незадолго до гибели культуры обряд труположения в яме. На могильнике у с. Липино на смену роменским погребениям в ямах в XI в. приходят труположения на горизонте и лишь с XII в. там вновь появляются погребения, совершенные по христианскому обряду.

НЕКОТОРЫЕ УТОЧНЕНИЯ В СТРАТИГРАФИИ БОЛЬШОГО ГОРНАЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

Во время раскопок Большого Горнальского городища, расположенного на правом берегу реки Псел, впервые на роменском памятнике была последовательно изучена его стратиграфия (А. В. Куза 1981): Велись наблюдения за динамикой развития конструкций жилищ и оборонительных укреплений. Была создана внутренняя хронология городища. Всего выделено 4 слоя с материалом роменской культуры (I—IV) и один скифского времени (V); Слой начала II тыс. н. э. на городище обнаружено не было. В результате анализа вещевого материала были получены даты стратиграфических слоев памятника:

I с. — вторая—третья четверти X в.

II с. — конец IX в. — первая четверть X в.

III с. и IV с. — датированы суммарно — конец VIII в. — вторая половина IX в.

Нами были изучены количественные и качественные изменения в вещевом и керамическом комплексах каждого хронологического периода поселения. Всего в культурном слое городища известно 578 индивидуальных находок, они соответственно распределяются по слоям:

I с. — 320; II с. — 182; III с. — 52; IV с. — 24.

Заметим, что наблюдается резкий скачок количества находок в I и во II слоях, по сравнению с нижними. Если для I с. это объясняется гибелью городища в пожаре, то для II с. остается непонятным. Далее следует пересчет в % с учетом доверительных интервалов (для подтверждения правоты сделанной выборки); полученных при помощи формулы:

$$p \pm 1,96 \times \sqrt{\frac{p(1-p)}{N}}, \text{ где}$$

p — эмпирическое значение %; N — количество материала; 1,96 — коэффициент достоверности, при условии достоверности 95 %.

I с. — 55,4 % \pm 4; II с. — 31,5 % \pm 3,8;

III с. — 9 % \pm 2,3; IV с. — 4,1 % \pm 1,6.

Проделанные расчеты показывают, что картина изменений осталась прежней.

Для качественного анализа вещи были разбиты на 3 категории по материалу изготовления: из цветных металлов; из черных металлов; из кости, стекла, глины и шифера. Незначительное количество изделий из стекла, глины и шифера позволяет сделать подобное объединение. Для каждой категории были просчитаны % показатели. За 100 % бралось количество вещей в каждом слое (см. табл.). Как следует из приведенных данных, рост

общего числа находок не отражает изменений в производстве тех или иных вещей (для I, II и III слоев). Аналогичная картина количественного роста материала в I и II слоях, но не отражающая качественных изменений, при пересчете в % наблюдается и в керамическом комплексе (А. А. Узянов 1979 с. 100).

Была проведена планиграфическая разброска находок с учетом штыков. Материал был взят раскопов с наибольшим количеством вещей (№№ 6, 8, 9, 11, 12, 13). Было учтено 147 находок из культурного слоя. Из них: во II ш. — 44; III ш. — 88; IV ш. — 7; V ш. — 7; VI ш. — 1.

При населении штриховкой основных скоплений находок на план городища было обращено внимание на то, что они совпадают с постройкой № 8, и жилищем № 22, контуры которого в процессе работ проследить не удалось.

Таким образом, можно предположить, что II стратиграфический слой Горналя, как и I, составляют единый хронологический период с конца IX в. по 70-е гг. X в., наличие значительного количества вещей объясняется возможной глубокой распашкой памятника в XIX в., когда плугом были затронуты разрушенные в пожаре жилища, и материал из них перемешан. Это подтверждается и тем, что I и II слои — оба сильно гумусированы, темно-серого цвета. В течение X в. серьезных экономических изменений в жизни городища не происходило, Горналь развивался спокойно и это лишь с большей силой оттеняет его внезапную гибель в конце X века.

Таблица: Количественное и процентное содержание каждой категории вещей в стратиграфических слоях.

№ слоя № категории	I слой	II слой	III слой	IV слой
1	23	15	1	—
	7 %	8 %	2 %	—
2	68	43	15	3
	21 %	24 %	29 %	12 %
3	299	124	36	21
	72 %	68 %	69 %	88 %
Всего:	320	182	52	24

1 категория — изделия из цветных металлов;

2 категория — изделия из черных металлов;

3 категория — изделия из кости, стекла, глины и шифера.

**К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ СЛАВЯН И ПЛЕМЕН САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ЛЕСОСТЕПНОМ ДНЕПРОВСКОМ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ В VIII—X ВВ.**

К середине VII в. в Приморском Дагестане сложилось первое феодальное государственное образование в Восточной Европе — Хазарский каганат. События, происходившие в нем имели огромное влияние на развитие и историю не только народов Северного Кавказа, а и всей Юго-Восточной Европы. Не могли они не отразиться и на ближайших соседях Хазарского каганата — славянах, тем более, что как известно из летописей, некоторые славянские племена, а именно, поляне, северяне, радимичи, вятичи платили дань хазарам. Близость территорий, а иногда и чересполосное размещение славянских и салтовских памятников (бассейн Ворсклы и Северского Донца) не могли не отразиться во взаимоотношениях этих двух культур.

К вопросу о связях между славянами и салтовцами не раз обращались исследователи (Артамонов М. И., Плетнева С. А., Березовец Д. Т., Седов В. В., Ляпушкин И. И., Сухобоков О. В., Юренко С. П. и др.) Тем не менее, в последнее время появились материалы, позволяющие вновь обратиться к данному вопросу.

Рассмотрим салтовские вещи, встречающиеся на волынцевских и ромешских памятниках в Днепровском лесостепном Левобережье.

Чаще всего на славянских памятниках встречается салтовская керамика, которая в основном представлена столовой и тарной посудой.

Среди столовой керамики встречаем две группы сосудов. Это обломки кувшинов с одной и двумя ручками, изготовленных из хорошо отмученной глины с примесью песка, имеющих сравнительно невысокую шейку и горшкообразную форму тулова (Волынцэво, Вовки, Битица).

Вторую группу остатков столовой гончарной посуды составляют обломки кружек. Кружки имеют тонкие стенки хорошей выделки, тулово приземистое, горло широкое, венчик всегда без слива, орнаментированы лощением (Битица). Интересна кружка, обнаруженная Березовцом Д. Т. на поселении у с. Волынцэво. Это цилиндрической формы сосуд с ручкой, имеющий аналогии в керамике раннесредневековых памятников в Адыгее (Лозпаче, 1983) (рис. 1, 3).

Тарная керамика представлена тремя группами посуды. Преимущественно это фрагменты и целые экземпляры амфор так называемого салтовского типа (Битица, Волынцэво, Вовки). Амфоры — яйцевидной формы, с круглым дном, невысоким горлом, к которому прикреплены почти под прямым углом, опускающиеся на плечики ручки. Часто поверхность амфор гофрированная (желобчатая), встречаются амфоры и с ангобом.

Вторая группа — большие горшкообразные сосуды для хранения продуктов — пифосы. Эти сосуды по форме напоминают салтовские кухонные горшки, но отличаются огромными размерами. Венчик этих сосудов часто веревкообразный (ложновитой), шейка выражена очень слабо, фактически венчик сидит непосредственно на плечиках, вся поверхность сосуда бывает покрыта сплошным линейным орнаментом. Фрагмент такого пифоса был обнаружен в жилище, раскопанном на поселении у с. Токари (Приймак, 1987) (рис. 1,1).

Третья группа — кувшины-пифосы — еще более редкая находка на славянских памятниках. Один из таких сосудов был обнаружен на городище роменской культуры у с. Новотроицкое (Ляпушкин, 1958). Это крупный трехручный кувшин с высоким узким, вверху слегка расширяющимся горлом. Одна ручка прикреплена к горлу, а две другие ручки прикреплены к тулову в самой широкой его части. Сосуд по всему тулову орнаментирован зональным орнаментом, состоящим из рифленых полос и фестонов.

Редкой находкой на славянских памятниках являются кухонные салтовские горшки. Изготовлены они из грубого теста с примесью шамота. Форма горшков яйцевидная, удлинённая, чаще всего по всему телу рифленый орнамент, который наносился зубчатым штампом. Венчик горшка слегка отогнут наружу, срезан. По венчику орнамент — нанесенный зубчатым штампом. Фрагмент верхней части такого сосуда был обнаружен в жилище на поселении у с. Токари (рис. 1,2).

Если столовая и тарная посуда могла попасть на славянские памятники в результате торговли, то горшки салтовского типа могли изготавливаться только на месте, что может свидетельствовать о присутствии на памятнике иноэтнического населения. Подтверждением этого может служить также выделение особой группы славянских древностей — волынцевские памятники. На волынцевских памятниках широко распространены гончарные горшки с высоким вертикальным венчиком, техника изготовления которых (тесто, орнамент, обжиг) салтовская, при типично славянской форме сосудов. Очевидно, этот тип посуды возник в результате взаимодействия двух культур, ибо распространен он только в одном районе славянской территории, население которой наиболее тесно могло быть связано с салтовцами (Плетнева, 1962).

Единичность, по сравнению, с керамикой, других категорий находок салтовского происхождения таких как фрагмент зеркала из Сосницы, Новотроицкого, зеркало из Опошни, бубенчики из Новотроицкого и Битицы, серьга из Новотроицкого, удила и стремяна из Битицы и случайная находка стремяни между с. Токари и с. Малая Чернетчина, элементы поясного набора из Каменного и другие вещи, видимо, может свидетельствовать о том, что эти вещи не могли изготавливаться славянскими ремесленниками, а попадали к славянским в результате развитой торговли и обмена.

Интересно то, что на Битицком городище встречаются наземные жилища с очагом в центре (Ляпушкин, 1959; Приймак, 1984), а также исследовано юртообразное жилище с очагом (Сухобоков, Юренко, 1987).

Кроме этого известны на славянских памятниках и погребения для славян не характерные (Волынцево, Ромны). К тому же по антропологическим данным черепа славян Левобережной части Среднего Поднепровья имеют сходство с черепами погребенных в Салтовском могильнике (Алексеев, 1962).

ПЕНЯК П. С.
(Киев)

О РЕМЕСЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ НА СЛАВЯНСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ

Существенное место в хозяйственной деятельности славянского населения Днепроовского Левобережья конца I тыс. н. э. занимали ремесленная деятельность и промыслы. Археологические исследования советских ученых (И. И. Ляпушкин, Д. Т. Березовец, П. Н. Третьяков, О. В. Сухобоков и др.) последних десятилетий дали выразительный материал, характеризующий состояние ремесла в славянском обществе, что позволило поставить его изучение на прочную основу.

Общепринятым считается, что производства, носившие ремесленный характер, у восточных славян появляются в VIII—IX вв.: железоделательное производство, кузнечно-литейное дело. Организатором этих ремесел выступала община. В железоделательном процессе участвовал большой коллектив людей — при рытье руды, ее обогащении, рубке леса, углежжении, при самом металлургическом процессе. Как правило, производственные металлургические сооружения располагались на окраинах поселений или за их пределами вблизи сырьевой базы и мест заготовки топлива. Примером этому служат горны Волынецовского поселения, вынесенные за его пределы (Березовец Д. Т., 1955). Община старалась удовлетворить запросы общинников в изделиях металлургии, кузнечно-литейного производства, но в то же время взамен обеспечить ремесленников необходимыми сельскохозяйственными продуктами и другими средствами для жизни.

Несомненно, в VII—VIII вв. общинные металлурги и кузнецы работали сообща. Со временем, еще задолго до сложения феодального общества, из сельской общины выделялся ремесленник-кузнец. Он продолжал входить в общность как личность, подчинялся ее обычаям, участвовал в мероприятиях, обеспечивая ее членов изделиями своего ремесла.

В конце I тыс. н. э. у восточных славян развивалось и ювелирное ремесло, которое было связано с кузнечным и могло находиться в руках одного мастера. Сказанное в полной мере касается материалов Новотроицкого городища (Ляпушкин И. И., 1958, с. 146—147).

Гончарное производство в славянском обществе играло значительную роль. Начиная со середины VIII в., постепенно происходит переход к гончарному кругу, что привело к заметному улучшению качества глиняной посуды. Применение гончарного круга и гончарного горна повысило в несколько раз производительность труда, удешевило продукцию. Экономический эффект стал той основой, на которой гончарный промысел уступил место ремесленному производству. Сказанное в полной мере касается материалов, например, Донецкого городища, где найдено гончарное производство (Шрамко Б. А., 1970).

Общинный строй базировался на труде работающих земельных собственников, самостоятельность которых покоилась на взаимных отношениях друг к другу, на организации разных производств для общих потребностей. Для удовлетворения нужд в сфере питания, связанных с изготовлением сельскохозяйственных орудий труда, одежды, обуви, домашней утвари, строительства жилищ и хозяйственных построек, существовали домашние промыслы. Обучение промыслам проходило в каждой семье, и навыки передавались от поколения к поколению. Естественно, что среди общинников выделялись отдельные лица, владевшие тем или иным ремеслом виртуозно, профессионально.

Домашними промыслами занимались, как правило, в свободное от земледелия время — главным образом зимой. Сырье, орудия труда добывались и изготовлялись на месте самими производителями. Регулирование количества производства зависело от спроса, который не превышал каждодневных потребностей общинников. Судя по исследованиям, можно говорить о развитии у славянского населения Днепровского Левобережья деревообрабатывающего ремесла, обработки кости и камня.

СУХОБОКОВ О. В.
(Киев)

**РАБОТЫ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ СЛАВЯНО-РУССКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
ИА АН УССР В СУМСКОЙ ОБЛАСТИ (1968—1988 гг.)**

Как явствует из самого наименования экспедиции, в нем содержится достаточно полная информация как о регионе проведения археологических изысканий, так и о направлении научных интересов: речь идет об изучении памятников Левобережной Украины второй половины 1-го и первых веков II-го тысячелетий н. э. В этом отношении Сумская область представляется благодатным полем для исследователей. И в их числе мы с благодарностью должны упомянуть имена Д. Т. Самоквасова, В. А. Городцова, Н. Е. Макаренко, И. И. Аяпушкина, Д. Т. Березовца, В. И. Довженка, П. Н. Третьякова, Б. А. Рыбакова, и др. археологов, чьи работы на территории современной Сумщины способствуют освещению многих темных страниц древнейшей истории ее населения. Начатое ими дело ныне продолжается силами Левобережной славяно-русской экспедиции Института археологии АН УССР.

Еще в 1968 г. нами была предпринята разведка в бассейне р. Сейм. При этом одновременно были проведены небольшие раскопки на раннеславянском поселении киевской культуры (III—V вв. н. э.) близ с. Курган Азак Лебединского района, а также на многослойном городище с материалами скифского времени роменской и древнерусской культур у с. Червоный Ранок Кролевецкого района. Было обследовано 15 памятников, 10 из которых находились в пределах Сумской области.

В 1971 г. совместно с М. П. Кучерой нами было проведено обследование роменских и древнерусских городищ Днепровского Левобережья, при этом только на Сумщине обследовано и документировано около 30 укрепленных поселений предгосударственного периода и эпохи Киевской Руси. Для большинства из них были сняты планы, поскольку они были известны по сведениям 50—70-летней давности.

Двумя годами позже, в 1973 г. были начаты раскопки роменско-древнерусского комплекса из двух городищ, обширного селища и некогда насчитывавшего 500 насыпей кургачного могильника, ныне полностью уничтоженного многолетней распашкой. Первоначально работы носили спасательный характер, но ввиду чрезвычайной важности полученных материалов были продолжены в 1974 г. и возобновлены в 1986 г. Добытые при этом материалы позволяют говорить, что мы имеем дело с поселением гоодского типа, расположенным вне пределов государственных границ Киевской Руси, которое находится в черте современного села Ницаха Тростянецкого района. Имя его, к сожалению, утеряно, и вряд ли может быть ныне установлено.

Значительные по объему работы на роменско-древнерусском городище у с. Каменное Лебединского района были проведены в 1976—1978 гг. По-

мимо раскопок на городище, производились исследования на территории селища и курганного могильника, насчитывающего свыше 140 насыпей. Нами раскопано 40 курганов, содержащих более 60 погребений, датируемых с IX по XII вв.

Сделанные в процессе раскопок наблюдения, характер полученных материалов позволяют рассматривать это поселение в качестве сельского; по своим занятиям и верованиям, равно как и общему уровню материальной культуры, жители его практически не отличались от населения центральных районов древнерусского государства. Уникальные бронзовые иконки и крест энколпион, являющиеся образцами древнерусской металлопластики, как, впрочем, и другие находки, ныне экспонируются в Сумском краеведческом музее.

В 1979—1982 гг. по пресьбе местных партийных и советских органов экспедиция провела масштабные работы в городе Путивле и его округе. При этом, помимо основной задачи — установления времени возникновения летописного города — были предприняты работы по исследованию окрестных памятников Путивльщины с целью выявления соотношений удельного города с волостью. Раскопкам были подвергнуты раннеславянское поселение близ с. Волинцево, древнерусское городище в урочище Курган, поселение у хут. Латышевка, древнерусское городище у с. Игоревка, городище и селище у с. Лухтовка.

Нашими работами было установлено, что Путивль возник как древнерусский город на месте нескольких роменских укрепленных поселений в к. X в.; это связано с государственной деятельностью Владимира Святославича. Кроме того, при раскопках на Городке была выявлена братская могила защитников Путивля в момент нападения одного из отрядов Менгу-хана в 1239 г.

Большое значение имели исследования поселения близ с. Волинцево, ставшего эпонимным для группы раннеславянских памятников. VII—VIII вв. Начатое в 1948 г. изучение этого поселения было полностью завершено. Раскопки городища у с. Игоревка позволили отождествить его с загородным владением князя Игоря.

В 1983 г. было начато исследование комплекса памятников близ хут. Зеленый Гай. Раскопано также 15 курганов на могильнике, насчитывающем около 2 тыс. насыпей. Наличие столь значительного могильника позволяет поставить вопрос об историческом предшественнике г. Сумы X—XII вв.

Найденный в 1984 г. на Битицком городище клад (В. В. Приймак) заставил вновь обратиться к нему. Раскопки продолжаются, но уже теперь мы можем утверждать, что беспрецедентный % гончарной керамики (56 %), наличие иноэтнических элементов в домостроительстве и инвентаре, многочисленность орудий труда, предметов вооружения, изготовленных из железа (ок. 180 ед.) наряду с укрепленным характером поселения дают основания

говорить об его исключительности среди раннеславянских памятников второй половины 1-го тыс. н. э. не только на Левобережной Украине, но и в В. Европе в целом.

Экспедиция работает в контакте с сотрудниками сектора археологии / Сумского краеведческого музея; за время ее существования в ее состав прошло археологическую практику более 440 студентов-историков, Полтавского и Сумского пединститутов; подготовлено свыше 30 выступлений в областной и местной печати; 5 выступлений по радио и телевидению. Вышло из печати около 20 публикаций научного характера. Ведутся широкие обследования по областному тому: Свода памятников;

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ VIII—XIII ВЕКОВ В МЕЖДУРЕЧЬЕ ДЕСНЫ И ВОРСКЛЫ

На протяжении более чем 100 лет в разных районах современной Сумской обл. археологи (Абрамов И. С., Березовец Д. Т., Макаренко Н. Е., Мельник Е. Н., Самоквасов Д. Я., Сухобоков О. В. и др.) производили исследования на 25 курганных и 5 грунтовых некрополях конца I — начала II тысячелетий н. э.

При исследовании более половины курганных могильников—13 (Воронеж, Глухов, Богданово, Путивль, Мовчанское болото, Новая Слобода, Бунякино, Кошары, Веревка, Октябрьское, Малые Будки, Каменное, Мирополье) количество курганных насыпей не было зафиксировано. На оставшихся 12 (Ротовка, Холоденов, Волокитино, Дорошевка, Сетнов, Медвежье, Ромны, Глинск, Зеленый Гай, Ницахи, Заречное, Журавное) зафиксировано 3858 насыпей. Количество их на разных могильниках колеблется от одного—нескольких десятков до двух тысяч.

Погребальный обряд на средневековых славянских курганных могильниках Сумщины аналогичен этапам развития этого обряда на всей территории Южной Руси: кремация на стороне от места будущего погребения—кремация на месте погребения—ингумация на уровне древнего горизонта—ингумация в подкурганной яме.

На четырнадцать из упомянутых некрополей зафиксировано свыше 60 захоронений с останками трупосожжений на стороне, на трех—по одному погребению с останками трупосожжений на месте, на десяти—около 110 трупоположений на древней поверхности, на пятнадцати—свыше 210 трупоположений в подкурганных ямах. В ряде захоронений находилось по несколько умерших. Кроме того, на пяти могильниках было выявлено 11 меморативных сооружений, а на двух в 6 случаях обряд погребения не был зафиксирован.

Большинство комплексов по обряду кремации относятся к VIII—X вв. (за исключением I погребения в Каменном X—XI вв.), а по обряду ингумации—к X—XIII вв.

В XII—XIII вв. появляются грунтовые могильники (Путивль, Волинцево, Зеленый Гай, Заречное, Ницахи). На этих, в основном случайно открытых могильниках, исследовано около 30 бескурганных трупоположений в ямах небольшой глубины.

Сопровождающий инвентарь, устройство могилы и насыпи, планировка некрополей, антропологические данные позволяют говорить, что все вышеперечисленные могильники оставлены восточнославянским населением, в подавляющем большинстве—северянами.

Концентрация могильников, особенно в междуречье Сулы и Ворсклы, позволяет предполагать особенно большое число жителей в этой местности по сравнению с более северными полесскими районами. Число насыпей на отдельных некрополях юга Сумщины также говорит в пользу этого утверждения: именно здесь размещены крупнейшие средневековые кладбища рассматриваемого микрорегиона южнорусской территории — Медвежье (110 насыпей), Ницаха (160), Журавное (1282), Зеленый Гай (около 2000). Что касается двух последних могильников, то они на сегодня входят в число наиболее крупных сохранившихся некрополей средневекового времени на территории СССР.

Археологические исследования памятников позволяют дополнить сведения о исторических процессах догосударственного и государственного периодов в истории восточных славян. Примерами может быть изучение комплексов у хут. Зеленый Гай и с. Журавное. В обоих случаях помимо упомянутых крупных могильников были выявлены городища роменской культуры, укрепленные и открытые поселения X—XIII вв.

Удалось установить, что причиной интенсивной жизни в X—XII вв. на поселении у хут. Зеленый Гай был проходящий здесь трансевропейский сухопутный путь Булгар — Киев, на котором одним из крупнейших «караван-сараяв» и было вышеупомянутое поселение, куда стекалось окружающее население.

Значительная концентрация населения в конце I тысячелетия н. э. прослеживается и около современного с. Журавное, где в те времена, вероятно, находился центр входящего в северянский союз малого племени. Во второй половине X в. центр был разгромлен великокняжеской дружиной, а территория подчинена центральной власти. Но в дальнейшем, в связи с расположением в густонаселенной местности на границе со степняками, он превратился в политико-административный и торговый опорный пункт Древнерусского государства.

Помимо научного изучения рассмотренной категории археологических памятников, важнейшей задачей сегодня является сохранение этих уникальных комплексов средневекового времени.

ДРЕВНЕРУССКИЙ ГОРОД ВЫРЬ И ЕГО ОКРУГА

Древнерусский город Вырь, первое упоминание в летописи о котором помещено в летописи под 1096 г., особенно часто фигурировал в письменных источниках в связи с событиями, 40—60 гг. XII в. Там же мимоходом упомянуто о структуре города, по крайней мере двухчастной. С началом археологических исследований на детинце Выря В. А. Богусевичем был окончательно решен вопрос о локализации его в г. Белополье Сумской обл. Древнерусский Вырь располагался на возвышенностях левого берега р. Крыги вблизи ее впадения в р. Вир (левый приток р. Сейм). Площадь детинца, занимавшего возвышающийся на 15—18 м над поймой мыс, достигала 1,5 га. Он был укреплен валом и рвом с напольной стороны, а также на участках с пологими склонами. С юга, востока и запада детинец был окружен посадом. Некоторая часть посада, по-видимому прилегающая к детинцу с востока, могла иметь отдельные укрепления.

Работы на детинце 1958—1959 гг. были в основном сосредоточены в западной и южной его частях (рис. 1, Б). Общая площадь раскопов 430 кв. м. Исследованиями было установлено, что застроенными были прилегающие к укреплениям детинца участки, центральная же часть оставалась свободной, в чем проявляется сходство с планировкой некоторых городов-крепостей Поавобережья Днепра. В ходе исследований детинца были раскопаны 4 наземные постройки, по-видимому жилища, полуземлянка и несколько хозяйственных построек, в основном ям. Керамический материал и индивидуальные находки (костяные гребни, обломки амфор с высокими ручками, бронзовый браслет, обломки стеклянных браслетов) датируются в пределах XII—XIII вв.

Посад Выря по предварительным данным достигал площади не менее 7—10 га. Исследования на посаде (к востоку и югу от детинца, в непосредственной близости от последнего) позволили выявить 3 жилища—полуземлянки с глинобитными печами в одном из углов, а также несколько хозяйственных построек. Как и на детинце, материалы относятся к XII—XIII вв.

Округа древнерусского Выря, известная как Вырская волость, частично локализована Ю. Ю. Моргуновым. В состав ее входил также окончательно не локализованный Зартый, а также городища и селища на левом берегу Сейма (Игровка, Лухтовка (?), Чумаково, Пески, Новые Вирки). Формирование округа Выря началось с конца XI в. и продолжалось в первой половине XII в. (Моргунов Ю. Ю.), в конце XI в., вероятно, появляется и Вырь. Так можно расценить данные письменных источников, этому не противоречат и археологические данные. К середине XII в. Вырская волость представляла собой уже довольно мощное в экономическом отношении образование, хотя и не из числа наиболее богатых. В последующем она вошла в состав чернигово-северских земель и подчинена, вероятно, Путивлю, что и обусловило исчезновение Выря со страниц летописи. В 1239 г. Вырь и его округу постигла общая судьба всех южнорусских земель,

ЧЕРНИГОВО-СЕВЕРСКАЯ ЗЕМЛЯ И ВВЕДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

Среди проблем истории Чернигово-Северской земли, практически не отраженных в дошедших до нас источниках, немаловажное место занимают события, связанные с официальным введением на Руси христианства. Известно лишь, что уже в 992 году была образована Черниговская епархия. Однако, роль и место Чернигова в истории Южной Руси позволяют полагать, что крещение черниговцев состоялось вскоре после проведения подобного мероприятия в Киеве и проходило, вероятно, по аналогичному сценарию. В Киеве Владимир Святославович прежде всего «...повеле кумиры испроврещи, овы исещи, а другая огневи предати». С этого же началось, после ожесточенных стычек, и крещение новгородцев: «...Идолы сокруши, древяннии сожгоша, а каменнии, изломав, в реку вергоша». Таким образом, компрометация древних богов в глазах язычников была существенной частью политики обращения населения в новую веру и проводилась, по-видимому, повсеместно.

Однако, в Чернигове языческим жрецам удалось, вероятно, несколько опередить княжеских посланцев. И хотя на Черниговском капище, располагавшемся, как и в Киеве, на территории детинца (где-то в районе Спасского собора), идолы тоже пали под топорами Владимировой дружины, главную городскую святыню волхвы успели спрятать, закопав ее в валах княжеской крепости, где она и пролежала более 700 лет.

Этот серебряный идол (или его часть) был случайно найден лишь во время земляных работ при сооружении в западной части детинца в 1700—1702 гг. здания коллегиума. Как гласит историографическая традиция, он был расплавлен, а из слитка в Данциге изготовили царские врата для иконостаса Борисоглебского собора. Несмотря на прекрасную сохранность царских врат, сведения об их изготовлении из серебряного языческого идола до последнего времени оставались легендарными. Лишь 15 января 1987 г. с целью проверки легенды были взяты 10 микропроб с тыльной стороны из разных частей врат. Полученные образцы подверглись количественному спектрографическому анализу в Отделе спектральных методов исследований Института геохимии и физики минералов АН УССР. Это позволило установить, что химический состав образцов практически идентичен: сплав серебра с медью в соотношении около 70 % и 30 %, при количестве микропримесей в каждом из образцов не более 1,5 %. Совпадение состава металла, взятого из разных частей врат, свидетельствует об их производстве из одного слитка.

Результаты спектрографических анализов были статистически обработаны научным сотрудником ИА АН УССР Р. С. Орловым путем сопоставления с сериями анализов серебряных изделий X—XIII вв. Исследования

показали; что подобные сплавы были достаточно хорошо известны ювелирам средневековья и, судя по составу металла массовых украшений сельского населения X—XIII вв. Левобережья Днепра, являлись обычными для северянской металлургической традиции. Химический состав саманидских дирхемов из Среднего Поднепровья (в том числе и из последних кладов на Черниговщине) определенно указывает на них как на источник сырья для языческого идола, с добавлением в качестве лигатуры чистой меди.

В это же время, несомненно, были разрушены и многие другие языческие святыни Черниговской земли. Не исключено, что отголоском этой борьбы являются известные священные дубы с вбитыми в них кабаньими челюстями, найденные в Десне в 1909, 1975 и 1984 гг. Во всяком случае, последняя находка и методами дендрохронологии (В. Колищук), и по данным радиоуглеродного анализа (Н. Ковалюх) дает чрезвычайно близкую дату — 80-е годы X в.

В Новгороде-Северском местные легенды локализируют древнее языческое капище на отроге коренной террасы, полого спускающейся к Десне, где, якобы, в 1086 г. на его месте была заложена каменная церковь св. Николая, а в 1760 г. — одноименная деревянная (И. Самчевский, М. Рклицкий, Филарет, Г. Н. Логвин и др.). Однако проведенные здесь в 1979 г. исследования не только не обнаружили каких-либо следов существования домонгольской каменной постройки, но и показали, что в IX—X вв. эта территория была достаточно плотно застроена жилыми усадьбами, что заставляет усомниться в возможности существования тут в это время святилища.

Исследователями неоднократно отмечалось, что утверждение христианства в сознании древнерусского общества растянулось на несколько столетий, и духовная жизнь на Руси продолжительное время определялась явлением, известным как православно-языческий синкретизм. Памятники материальной культуры и письменности, топонимика и лингвистика, живопись, этнографические и многие другие источники свидетельствуют о взаимодействии и взаимопроникновении в культуре Руси нескольких мировоззренческих традиций, что в значительной степени явилось отражением в сфере религиозных верований той крутой ломки всей системы социальных отношений, которой сопровождалась феодализация общества. А это, в свою очередь, накладывало отпечаток на поведение, ценностную ориентацию и практическую деятельность человека, вело к сохранению на длительное время языческих обрядов и символов. Одним из ярких проявлений этого являются многократные находки неолитических топоров и кремневых «громовых стрелок», применявшихся в средневековой Руси в магических целях. В последние годы значительная серия подобных находок получена в ходе работ на Черниговщине, причем как на селищах («Лесковое» у с. М. Листвен, «Овраменков круг» у с. Березанка, «Ров II» у с. Шестовица, «Козарки» у с. Петруши и др.), так и в городах (Чернигов, Н.-Северский, Ковчин и т. д.). Особое внимание привлекает находка миниатюрной глиняной копии каменного топора на древнерусском поселении у с. Сибереж.

О ЛОКАЛЬНЫХ ГРУППАХ ПОГРЕБЕНИЙ ЧЕРНИГОВСКОГО НЕКРОПОЛЯ

В ходе охранных раскопок 1986—1987 гг. на Черниговском посаде, среди городской застройки XI—XII вв., исследовано несколько локальных групп погребений, входивших в состав Черниговского грунтового некрополя. Все они концентрируются в пределах самого крупного р-на посада, именуемого летописью — «передгородьем» 1.

В первую группу вошло 4 погребения. Захоронение произведено по христианскому обычаю, в ямах, с ориентацией запад-восток. Костяк находится на материке. В двух случаях зафиксированы остатки гробовищ. Размеры могильных ям колеблются от 2,6 x 0,9 до 3,1 x 1,1 м.; глубина 0,7—1,2 м. Инвентарь содержат только погребения 1—2, которые могут быть отнесены ко времени не позднее конца XI в. Во вторую группу входит 8 погребений, также в могильных ямах, размеры которых варьируют в пределах от 2,0 x 0,6—0,7 м до 2,7 x 1,15 м. Ориентация запад-восток. Глубина ям 0,5—0,85 м. Особо выделяется погребение 8, представляющее собой остатки кургана. Сохранился ровик глубиной 0,3—0,4 м и шириной 0,8—1,4 м. С западной стороны прослежена перемычка шириной 0,9 м. Внутренний диаметр площадки, на которой произведено захоронение, около 6 м.

Инвентарь содержит лишь захоронение 3. Он представлен биллоновым височным кольцом с заходящими концами, обломком ножа и деталями бронзового поясного набора из 19 сердцевидных бляшек, лировидной пряжки и ремennого наконечника. Этот поясной набор находит полную аналогию в материалах поздне-салтовской поры X—XI вв. (по Гаврилиной Л. М.).

В третью группу входит также 8 погребений. Могильные ямы, ориентированные, как и в первых двух группах по оси запад-восток, на 0,15—0,3 м углублены в материк и имеют размеры 2,0 x 0,5 м — 2,4 x 0,75—0,85 м.

Из восьми погребений в трех содержится инвентарь. В одном из них, по-видимому, женском (погреб. 1) найдено ожерелье из тринадцати глазчатых бус (в «петле»). Наиболее поздние их образцы (по Ю. Л. Шаповой) датируются первой половиной XI в.

Четвертая группа представлена двумя погребениями, расположенными на левом берегу р. Стрижень. Захоронения полностью разрушены постройкой XII в., прорезавшей могильные ямы. Однако учитываются нами для определения ареала распространения локальных погребальных групп.

1 Первая группа расположена в районе современной ул. Комсомольской; вторая по ул. Коцюбинского; третья по улице Папанинцев, четвертая по улице Лермонтова.

И последнее одиночное погребение древнерусского времени выявлено в р-не современной ул. Свердлова. Яма размерами 1,9 x 1,1 м., глубиной 0,4 м, ориентирована запад-восток.

Таким образом, выделяется четыре «эпицентра», сосредотачивающие в своих локальных некрополях от 2 до 8 погребений, а также одиночное (?) погребение по ул. Свердлова. Обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Все они, за исключением группы 3, расположены приблизительно по одной линии, распространяются (в соответствии с нумерацией групп), с юго-запада на северо-восток и находятся за пределами окольного города, недалеко от его стен. Судя по инвентарю и стратиграфии исследованных районов, эти группы погребений прекратили свое существование не позднее второй половины—конца XI в. Каждая из них, вероятнее всего, функционировала до тех пор, пока кладбище не оказывалось в городской черте. Как только город «догонял» места захоронений они выносились дальше за его пределы. Свидетельством тому является группа № 3, расположенная на западной окраине города. Здесь присутствуют погребения как XI, так и XII вв.

ВЕРЕМЕЙЧИК Е. М.
(Чернигов)

К ВОПРОСУ О ДЕГТЯРНОМ И СМОЛОКУРЕННОМ ПРОМЫСЛАХ НА ДРЕВНЕРУССКИХ СЕЛИЩАХ ЧЕРНИГОВЩИНЫ

Смолокурение и добыча дегтя были широко известны в Древней Руси. Смола была необходима для просмолки речных и морских судов, канатов рыбацких неводов, применялась в некоторых ремеслах. Деготь использовался при обработке кожи и др. Смола и деготь, судя по средневековым источникам, пользовались также большим спросом на внешних рынках.

По этнографическим материалам, самый простейший способ добычи смолы — ямный. На дно конусовидной ямы ставили горшок, перекрытый крышкой, либо дном другого сосуда с просверленными отверстиями. Яму заполняли сосновыми бревнами, поджигали и перекрывали дерном. Процесс смолокурения происходил 5—7 суток. Фильтруясь через доньшко с отверстиями, смола стекала в горшок. Деготь добывался тоже ямным способом. Сырьем служила береста и березовые бревна.

При раскопках селища Лесковое у с. М. Листен, на восточной его окраине были исследованы две аналогичные описанной ямы. Стенки ее были просмолены, в заполнении встречены доньшки с отверстиями. Кроме этого вызывает интерес исследованная на этом же селище хозяйственная постройка в которой найдены свертки бересты, просмоленные обломки горшков и доньшки с отверстиями. Эта постройка была, по-видимому, кладовой, в которой хранили сырье и готовую продукцию.

Несмотря на широкое исследование селищ Черниговщины, ям, в которых добывали смолу и деготь, очень мало, хотя некоторые данные говорят о наличии этого вида промыслов. Среди археологического материала, полученного в результате исследования поселений, имеют место находки обломков кружальных сосудов, на внутренней поверхности которых зафиксированы остатки смолы или дегтя. Также иногда встречаются осмоленные доньшки сосудов с отверстиями (Лесковое у с. М. Листвен, Овраменков Круг у с. Березанка, Козарки у с. Петруши, Деснянка и др.). По-видимому это свидетельствует о том, что данное производство, в целях противопожарного характера должно было быть вынесено за пределы селищ.

МУДРИЦКИЙ Г. А.
(Чернигов)

МЕТАЛЛОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КУЗНЕЧНОЙ ПРОДУКЦИИ XI—XIII ВВ. ИЗ РАСКОПОК ЧЕРНИГОВА

В настоящее время значительное место в исторической науке отводится изучению производительных сил Древней Руси. Поэтому, особенно актуальной становится тема изучения ремесла, которое было одной из господствующих форм средневековой экономики. Главенствующая роль в материальной культуре государства отводится металлургии и кузнечному ремеслу, так как все основные орудия труда, инструментарий, предметы быта, вооружение изготовлялись из железа и стали. Поэтому история техники добычи и обработки металла представляет исключительный интерес процесса экономического и социального развития Древней Руси в целом и ее отдельных регионов в частности.

Особенная роль отводится физико-химическим методам исследования техники городского кузнечного ремесла, так как город является центром производственной деятельности, мастерами используются передовые способы и технологии в результате чего, на материале, полученном с территории посадов, можно наиболее полно представить динамику развития металлообрабатывающего ремесла.

Автором, совместно с Г. А. Вознесенской, было отобрано для металлографического исследования 30 экземпляров предметов, изготовленных из черного металла, полученных при раскопках Черниговского посада: орудия труда, инструментарий, предметы быта. Это «качественные» кузнечные изделия, которые в силу особенностей их эксплуатации, нуждались в использовании сложных технологических схем и приемов при их производстве. Изготовление такой продукции, как гвозди, скобы, шилья и т. п., не требовало сложных операций комбинирования железа со сталью и осталось практически неизменным до настоящего времени.

Металлографические исследования показали, что большой процент изделий, предполагавших сложную технологию их изготовления откованы целиком из кричного железа, местами слабо доуглероженного и слабо освобожденного от шлака. Это коса, серп, нож, 2 кресала, резец по дереву, 2 экземпляра ножниц, мотыга.

Четыре предмета (2 зубила, 2 экз. ножниц) имеют цементированные (науглероженные) лезвия. Это один из самых древних и простых способов улучшения рабочих качеств орудий труда или оружия, и в то же время очень трудоемкий и непроизводительный.

Наиболее сложная технология изготовления — сварка из трех полос: в центре стальной и по бокам железные. Этим способом в изученной нами коллекции изготовлен 1 нож.

По более простой технологии — наварка стальной рабочей части на железную основу изготовлено 1 кресало.

Большое количество предметов (серп, 6 ножей, топор, 3 кресала, напильник, 1 экз. ножниц) откованы целиком из стали, в том числе 4 из них (2 кресала и 2 ножа) из стали высокоуглеродистой без примесей шлага.

При микроструктурном изучении 1 ножа отмечено вторичное использование металла из отходов кузнечного производства.

Изучаемая коллекция представляет известные для Древней Руси варианты технологических схем улучшения рабочих качеств изделий: пакетирование, цементирование, наварка, цельностальные. Для древнерусских кузнечных технологий уже установлена определенная закономерность их изменения по времени (Колчин, Гурин).

Определенная рационализация технологии производства наиболее важных орудий труда и оружия появляется почти одновременно не только в древнерусских землях, но и на более широкой территории. Поэтому вполне возможно сравнить хронологические рамки существования технологических схем Чернигова, Киева, Полоцка, Новгорода.

Таким образом учитывая вышеописанные результаты исследований и сопутствующий данным вещам археологический материал, мы можем сказать, что изготовлены они в XII — начале XIII вв. на основе общерусских технологических схем. Но имеются и существенные региональные особенности, выраженные в количественном их использовании. В частности — это подавляющее преобладание цельностальных изделий и использование кричного железа при производстве качественной продукции.

**К ВОПРОСУ ОБ ОХОТЕ В X—XIII ВВ.
(По материалам из памятников Южной Руси).**

Характеризуя значение охоты для древнерусского населения, авторами работ по данной тематике неоднократно указывалось на весомую роль данного промысла в хозяйстве той исторической эпохи. (Тимченко, 1972, С. 141). Такие виды как олень, косуля, лось и др. давали «несколько больше 0,1 всей продукции, получаемой от домашних животных». (Тимченко, 1972, С. 145).

С конца I — начала II тысячелетий н. э. феодальное право «ограничение права охоты» (Цалкин, 1956, С. 138), особенно на крупную дичь, бобра, что находит отражение в законодательных (Русская Правда) и летописных источниках. (ПСРА, Т-1, С. 74).

Для наиболее наглядной иллюстрации приведенного выше рассмотрим остеологический материал, относящийся к дикой фауне из раскопок роменских и Южнорусских памятников.

Для роменской культуры характерно: высокий процент диких животных (Цалкин, 1969, С. 96); преобладание в охотничьей добыче диких копытных видов; среди диких пушных млекопитающих значительная часть принадлежит бобру.

Сравнение костных остатков дикой фауны из памятников роменской и древнерусской культур позволило В. И. Цалкину констатировать «существенные различия» в значении охоты для населения вышеупомянутых культур и даже усомниться в их принадлежности к одной этнической группе. (Цалкин 1969, С. 101).

Рассмотрим вопрос о «существенном различии» в охоте для древнерусского и додревнерусского населения с учетом юридического изменения права на данный промысел.

Костные остатки бобра, полученные из раскопок в Новгороде, Чернигове, Монастырьке и др. позволяют говорить, что охота на бобра не становится второстепенной, а, наоборот, значимость получаемого продукта от этого животного приводит к феодальному контролю на данный промысел.

В отношении преобладания в добыче охотников роменской культуры диких копытных видов, можно отметить, что подобного направления в охоте придерживались и в древнерусское время.

Полученный процент диких копытных видов из остеологических материалов Чернигова, Остра, Чучина и др. абсолютно идентичен проценту одиоименных животных из роменских памятников.

Вопрос о процентном соотношении между дикими и домашними животными, учитывая «феодальное ограничение права охоты», нуждается в дифференцированном рассмотрении материала. Полученные остеологические

остатки от диких животных, с.посадов древнерусских городов значительно уступают, в процентном отношении, одноименным показателям с детинцев. Так процент особей диких животных в культурном слое Московского Кремля почти в 22 раза выше, чем в Зарядье. (Цалкин, 1971, С. 166). На детинце в древнем Чернигове подобное преобладание над посадом выражается в шестикратном превосходстве процента остатков дикой фауны.

Еще более наглядно об этом свидетельствуют остатки, полученные с феодальных замков. Так при раскопках феодального двора Мономаха и Ольговичей в Любече (Рыбаков 1964, С. 21.), полученные остеологические остатки, позволили выявить 59 % диких животных. А костный материал из раскопок «княжеского двора» (Богусевич 1962, С. 39) в Остре на 23 % состоит из остатков дикой фауны.

Подводя конечный итог, следует отметить, что так называемые «существенные различия» в значении охоты для населения роменской и древнерусской культур, по существу не являются тенденциозными. В значительной мере на сокращение охоты повлияла «феодалная монополия» на права промысла, первым воплощением которой, очевидно, явилось определение княгиней Ольгой границ охотничьих угодий (ПРСЛ т. 1 С. 60).

СЫТЫЙ Ю. Н.
(Чернигов)

К ИЗУЧЕНИЮ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЧЕРНИГОВСКОГО ЗАДЕСЕНЬЯ

Описывая под 1160 г. междуусобную борьбу Изяслава Дазыдовича и Святослава Ольговича за Чернигов, Ипатьевская летопись приводит сведения о военном погроме, учиненном полками Изяслава на левом берегу реки Десны, когда он «велику пакость створиша села пожгоша, люди повазваше». Вероятно, как и в статьях 1147 г., 1152 г. и др. идет речь о попытках подорвать экономическую базу могущества своего соперника, уничтожая принадлежащие ему села. Территория, которую затронули события 1160 г. является частью так называемого Задесенья, известного по летописной статье 1149 г., в пределах одного дня пути от Чернигова она ограничена с севера и запада р. Десна, с востока о. Вересочь, с юга рядом болот (площадь 1000 кв. км.). На данной территории рельеф сглажен, слабо развита речная сеть, относительно много озер и болот.

На этой территории на сегодняшний день картографировано 40 древнерусских поселений. Поселения расположены по берегам рек (62 %) и на возвышенностях в пойме рек и в болотах (18 %), что показывает как недостаточную изученность пойм рек и территорий водоразделов, так и меньшие удобства таких участков для освоения. Из них в X веке возникает 25 %, в XI в. — 47 %, в XII—XIII вв. — 28 %. Разрузов во времени существования отдельных поселений не выявлено. В середине XIII в. большинство поселений прекращает свое существование, только на двух поселениях, расположенных в пойме, найдены материалы середины XIII—XIV вв.

Поселения отличаются по площади: до 2 га — 65 % (это, в основном, поселения XI—XIII вв.); до 5 га — 30 % и свыше 5 га — 5 % (последние, в основном, содержат материалы X—XIII вв.).

Поселения не подвергались стационарным раскопкам широкими площадями, но по распространению культурного слоя можно предполагать на них порядковую застройку, а на части других — кучевую. На поселениях собран материал, подтверждающий сельскохозяйственную напрасленность деятельности населения большей части памятников, на некоторых поселениях найдены следы ремесленных и промысловых производств.

Пока нельзя говорить о сплошной заселенности рассматриваемой территории в древнерусское время, но на отдельных хорошо исследованных участках поселения расположены на расстоянии 2—3 км друг от друга. Анализ взаимного расположения ряда памятников позволяет прогнозировать открытие I древнерусского поселения на каждые 10 кв. км. В таком случае, на рассматриваемой территории (1000 кв. км) их общая численность должна составлять более 100 (при 40 открытых), а население района в XII—XIII вв. должно составлять, предположительно, 10—15 тысяч человек.

Плотность расположения поселений на освоенных землях Суздальского ополья, полученная в результате исследований В. А. Лапшина, аналогична данным, полученным для Черниговского Зздесеня. Поэтому для плодородных, хорошо освоенных и безопасных земель количество древнерусских поселений можно рассчитывать исходя из расчета 1 поселение на 10 кв. км. земельных угодий.

ПРОШКИН О. Л.
(Калуга)

СМОЛИНСКИЕ КУРГАНЫ

Курганный могильник находится в 2,5 км к 3 от п. Совхоз Рогнединского р-на Брянской области. Расположен у бывшего Смоленского карьера, на левом берегу р. Десны. Состоит из 18 насыпей высотой 0,4—2 м и диаметром 5—10 м. У оснований имеются ровики.

Впервые обследован Деснинской экспедицией ИА АН СССР в 1980 г. (А. С. Смирнов), Славянским отрядом под рук. автора в 1988 г; было раскопано 8 насыпей (№№ 11, 12, 15—20).

Обследованные курганы состояли из темной супеси с прослойками песка, глины и мелкой морены. В основании находились остатки кострищ. В пяти курганах обнаружены погребения — остатки труположений (№ 16, № 17, № 19) и трупосожжений (№ 12, № 15). Особое место среди раскопанных курганов занимает кург. № 12, как своими наибольшими размерами (высота 1,16 м, диаметр 9 м) так и характером обнаруженных в нем погребальных сооружений. В основании кургана зафиксированы остатки мощного кострища (толщина до 20 см), которое ограничивали два полукольцевых ровика, заполненные золой. В одном из них находилась вымостка из обожженной глины толщиной 2—5 см (длина 42 см, ширина 20 см); на поверхности которой было скопление катъцинированных костей, фрагментов гончарной посуды, обожженных камней, а также углей и золы. В 30 см к ЮЗ от «жертвенника» (?), на дне ровика обнаружена столбовая ямка диаметром 8 см, углубленная в материк на 10 см. В заполнении найдена глиняная обмазка.

Погребальный инвентарь (курганы №№ 12, 15, 16, 19) беден. Включает: фрагмент железного предмета (№ 12, на поверхности кострища), фрагмент железного кольца (№ 15, в слое кострища), а также бронзовые украшения — проволочные кольца (№ 15, за пределами насыпи; № 19, труположение), узкопластинчатый с ромбовидным орнаментом и спиральный проволочный тройной перстни (№ 19, труположение), перстнеобразные височные кольца (№ 16, труположение). Кроме этого, найдено большое количество обломков гончарных сосудов, на многих — линейно-ленточный орнамент. На одном из фрагментов донца находилось клеймо в виде двух концентрических кругов.

На основании найденных украшений, керамики и отдельных черт погребального обряда исследованные курганы следует датировать кон. X—XI вв. и отнести к кругу древнерусских погребальных памятников Верхнего Подесенья.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ГЛУХОВА

В исторической литературе традиционно утверждается, что упоминание под 1152 г. о Глухове в Ипатьевской, Лаврентьевской и Воскресенской летописях относится к городу, являющемуся ныне районным центром Сумской области, а в течение XVIII в. служившему резиденцией украинских гетманов. Но существует и иная точка зрения: в древнерусский период два черниговских города, Брянск и Мценск, были крайними на торговом и стратегическом пути из Ростовского края в Южную Русь, и летописное известие о следовании через Глухов является загадочным (Кашкаров В. Глухов, Ольгов и Спаш // Калужская старина, 1902, т. 2, кн. 1). Вопрос о существовании городского поселения на месте современного Глухова в середине XII в. может быть подтвержден либо опровергнут материалами археологических исследований. В стороне от этого остается мнение об изначальном существовании на этом месте Василькова, что оспаривалось уже во второй половине XIX в. (Филарет, архиеп. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Чернигов, 1873, кн. 7, с. 271). В грамоте польского короля Владислава от 1646 г. названо «местечко Новый Острог или Глухов» (Лазаревский А. М. Описание старой Малороссии. Киев, 1893, т. 2, с. 272).

Глухов в XVII в., как известно, возник «на старосвитцком городище»: сохранилось описание города от 1654 г. (Акты относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1878, т. 10, стб. 829). Ситуационные планы XVIII в., и особенно план Глуховской крепости от 1746 г. (ЦГИАЛ, ф. 1399, оп. 1, д. 840, л. 1), позволяют определить границы «городища» и с полной определенностью установить местонахождение каменных церквей, изучение остатков которых может дать важные результаты для истории украинского зодчества второй половины XVII в., тем более что возведение глуховских храмов XVII—XVIII вв. документировано актовыми материалами. Это касается соборного храма Успенского девичьего монастыря, основанного в 1670 г., который заложен гетманом И. Самойловичем в 1686 г., а также Михайловской церкви, возведенной артелью московского зодчего Матвея Ефимова.

Пространство между Николаевской церковью и местом, на котором еще недавно возвышался Троицкий собор, занято многочисленными погребениями, ныне скрытыми под асфальтом и более ранней мостовой. В различное время при земляных работах оказывались вскрытыми могилы XVIII—XIX вв., которые, возможно, перекрывают более ранний некрополь, образовавшийся вокруг названных двух храмов. Известно, что последние возведены на месте построенных из дерева, стоящих здесь соответственно в XVII и XVIII вв. Небольшие некрополи существовали также в Успенском монастыре (есть конкретные сведения о погребении там известных исторических лиц) и при

Михайловской церкви. Возможно, что один из этих некрополей занимал место существовавшего до середины XVII в. Требуется проверки и тезис о запустении Глухова после свирепствовавшей в Европе в 1352 г. чумы, с учетом сообщения Никоновской летописи: «в Глухове же тогда ни один человек не остался. Все изомроша» (ПСРА, 1862, т. 9, с. 486).

Наконец, требует выяснения и вопрос о том, находится ли наиболее старое в Глухове, закрытое для погребений с 1952 г., кладбище на Красной Горке на месте древнерусского могильника или это заброшенное впоследствии городище.

При археологическом изучении территории Глухова вряд ли можно рассчитывать на обилие находок памятников средневековой культуры и особенно произведений искусства. Но получить представление о начальном периоде его исторического прошлого и об этапах возрождения в XVII—XVIII вв. желательно и, может быть, даже необходимо.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПУТИВЛЯ

Будучи крупным стольным городом в древнерусское время Путивль не смотря на золотоордынское нашествие, разрушившее город, продолжал развиваться и в позднесредневековое время. С XVI века он становится пограничным городом Московского государства, через который проходили торговые и политические связи с Украиной и степью. В это время строятся новые укрепления города, увеличивается количество церквей, активно развивается ремесло, особенно оборонного назначения. В XVI веке создается Молчанский монастырь, собор которого несет в себе черты влияния московской архитектуры.

Активное развитие позднесредневекового Путивля, как пограничного города оборонного назначения подтверждается и археологическим материалом, добытым при раскопках в 1979—1981 гг. Левобережной славяно-русской экспедицией под руководством О. В. Сухобокова. В ходе работ были раскопаны позднесредневековые слои глубиной до 1,3 м, а в некоторых местах до 2,0 м. Расчленив их хронологически не представилось возможным, но анализ археологического материала позволяет установить, что наибольшее его количество относится к XVI—XVIII вв.

К началу XVII века относится литейная мастерская (датированная монетой 20-х годов XVII века), представляющая собой трехстенную бревенчатую наземную постройку с крышей-навесом и глинобитным полом. В ней были обнаружены металлическая болванка ладьевидной формы с клеймом, свинцовые мушкетные пули различного калибра, пинцеты, железные светцы, формы-пулелейки и другие предметы. К XVI—XVII вв. относится и находка двулезвийного меча западной работы с подковообразным, концами вперед, перекрестием. По всей площади раскопов встречаются осколки ядер разного диаметра, мушкетные пули и картечь. Среди находок часто попадаются железные подковы от обуви, металлические предметы различного назначения, жернова и прочие вещи. В одной из построек найден набор деревообрабатывающих инструментов.

Характерной чертой позднесредневековых слоев является большая их насыщенность керамикой. Керамического материала второй половины XIII—XIV вв. немного. Основная масса керамики относится к XVI—XVIII вв. Ассортимент ее очень широк: от горшков до тарелок, сковородок, кубков и т. д. Много керамики покрытой поливой и расписной.

Общие конструктивные особенности горшков XV—XVI вв. позволяют объединить их в одну группу. Это, в основном, горшки приземистой формы с широким горлом, орнаментированные по плечу волнистой линией или углублениями, выполненными палочкой. Венчик оформлен, в большинстве сво-

ем, утолщением изнутри с закраиной. У некоторых горшков утолщение с внешней стороны с козырьком. Тесто с примесью крупнозернистого песка. Такая керамика характерна для слоев XV—XVI веков и в Новгороде-Северском.

Вторая группа горшков относится XVII—XVIII векам. Продолжая сохранять приземистость форм, она отличается от предыдущей группы и конфигурацией профиля, и составом теста, приобретая черты характерные для всей украинской керамики XVII—XVIII веков. Тесто слоистое с примесью мелкого песка. Орнаментирована либо врезными линиями по шейке и плечам, либо расписным орнаментом красной краской, либо штампом по плечам.

Ко времени XVII—XVIII вв. следует отнести и основную массу изразцов, в большом количестве найденных в позднесредневековых слоях. Изразцы первой половины—середины XVII века с высокой рамкой, орнаментированные обычно крупнофигурными четырехчастными композициями в стиле Возрождения или геометрическим орнаментом в народных традициях. Изразцы конца XVII—XVIII веков сохраняют с одной стороны, традиционные виды орнамента, а с другой,—стремление к барочным тенденциям в орнаменте: измельчению, подвижности; выходу орнамента за пределы одного изразца (ковровый), причем изразцы начинают изготавливаться без рамок; использованию характерных для эпохи барокко видов орнамента.

Таким образом, на основании археологического материала можно сказать, что позднесредневековый Путивль, имея определенные стиливые особенности материальной культуры региона северских земель, шел в русле общего развития украинских городов.

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ УКРАШЕНИЙ БИТИЦКОГО КЛАДА 1984 ГОДА

1. В 1987 г. автору были переданы образцы стеклянных бус и металлических украшений, найденных в 1984 г. разведгруппой Левобережной славяно-русской экспедиции Института археологии АН УССР на городище Битица-1. Битицкий клад 1984 г. по объему состоял преимущественно из сельскохозяйственных орудий — серпов, кос-горбуш, скобеля и др., но в его состав входили 96 стеклянных бус, 26 спиралевидных пронизок, 3 бубенчиков и слитка неизвестного металла. Спектральный анализ образцов произведен в Отделе спектральных методов исследований Института геохимии и физики минералов АН УССР (спектрограмма № 60 от 15 июня 1987 г.).

2. В составе клада найдено ожерелье из стеклянных бус, которые авторы первой публикации (О. В. Сухобоков, В. В. Приймак, Г. А. Вознесенская) согласно классификации В. Б. Деопик разделили на 4 группы: одноцветные, полосатые, многочастные, глазчатые и золоченые. Изучен химический состав бус одной технологической группы, изготовленных нарезкой тянутых трубочек, перехваченных щипцами на 3—4 дольки округлой формы. Проведен анализ 5 бусин, различающихся по цвету: 1) голубой, 2) зеленый, 3) желтый, 4) молочной с красным покрытием, 5) синей. Установлено, что химический состав стекла всех экземпляров один: они относятся к натриево-кальциево-кремнеземному, одной из древнейших групп (по М. А. Безбородову и Ю. А. Шаповой). Состав стеклообразующих настолько близок, что позволяет говорить об изготовлении бус в одной мастерской (кремнезем — 65,2—68,5 %, натрий — 15,0—15,4 %, кальций — 5,4—7,2 %). Отличается повышенным содержанием свинца (4 и 2,5 %) бусины зеленого (2) и желтого (3) цвета. Во втором образце зеленый цвет достигнут окисями меди и свинца. Присутствие калия (2,2—2,8 %) свидетельствует о применении золы растений, а магния (3,6—4,5 %) — доломита. В синей бусине отчетливо видна цветообразующая — окись кобальта, придающая окраску уже с 0,02 %. Содержание кобальта в пятом образце на два порядка выше, чем в других (до 0,1 %). Из других красителей отметим окиси меди, марганца, железа.

3. Рецептурная норма стекол бус Битицкого клада соответствует древней шихте, описанной Плинием Старшим. Стекло исследованных бус сварено на золе — признаке сирийской стеклоделательной школы VIII—IX вв.

4. Другое ожерелье клада состояло из спиралевидных пронизок. Изучен состав 2-х пронизок и замыкающей трубочки. Их состав практически одинаков — сплав на основе меди с большим содержанием (14—28 %) цинка и небольшим (1,5—5 %) свинца. Присутствует олово и фосфор (до 1,5 %). Наиболее близкие по составу и аналогичные по форме пронизки из Горнальского городища Курской области и Горбова Черниговской области (раскопки 1973 и 1982 гг.) не содержат олова, а содержание цинка доходит до 11—12 %.

5. Бубенчики со щелевидной прорезью различаются размерами и химическим составом. Фрагментированный образец (2,0 x 1,0 см) отлит из бронзы (олова до 14%), а два других (2,0 x 1,5 и 2,5 x 1,9 см) — из многокомпонентных сплавов на основе меди со значительными колебаниями свинца и олова. Рецептuru таких сплавов обычна для подобного типа изделий. Образец, орнаментированный рельефными вертикальными полосками, имеет повышенное содержание сурьмы (3%) и мышьяка (2,5%). Металл этого бубенчика характеризует исходное сырье, редко используемое в VIII—IX вв. восточноевропейскими ювелирами для отливки бубенчиков (Горнальское городище, Салтовский могильник), и зеркал (Салтовский могильник).

6. Входящий в состав клада слиток металла представляет сырье — легирующий сплав из свинца (68%) и олова (30%), используемый для литья вещей типа бубенчиков, зеркал, поясных украшений и пряжек.

7. Изучение химического состава сплава украшений Битицкого клада показало его близость группам изделий из коллекций Салтовского могильника. Типы украшений, их технология и химический состав наиболее близки вещам из памятников роменской культуры Днепровского Левобережья, IX—X вв., особенно Курского Посеймья.

8. Химический состав украшений Битицкого клада следующий:

1) стеклянные бусы

цвет	кремний	алюмин.	магний	кальций	железо	натрий	калий	марганец	медь	кобальт	свинец	олово
1. голубой	68,5	1,4	4,5	5,4	0,8	15,4	2,8	0,3	0,001	0,15	0,1	0,2
2. зеленый	65	1,5	3,8	5,8	0,8	15	2,2	1	0,001	0,2	0,3	0,3
3. желтый	65,2	1,8	3,9	6,2	1	15,1	2,4	1	0,0003	0,05	2,5	0,3
4. молочный	65,7	2,1	3,6	7,2	1,4	15,1	2,5	1,53	0,003	0,1	0,2	0,015
5. синий	65,5	2	4,1	7,1	1,5	15,1	2,4	1,4	0,1	0,06	0,02	0,006

2) металлические украшения

тип изделия	медь	серебро	цинк	олово	сурьма	мышьяк	висмут	цинк	никель	золото
6. трубка	66	0,03	1,4	1,5	0,025	0,12	0,02	28	0,015	0,001
7. пронизка	75	0,08	2,5	0,5	0,15	0,6	0,03	20	0,01	0,002
8. пронизка	66	0,04	5,2	1,5	0,25	0,8	0,06	14	0,15	0,02
9. бубенчик	84	0,01	0,2	14	0,008	0,06	0,001	0,5	0,08	0,02
10. слиток	0,8	0,03	68	30	0,1	0,06	0,1	0,06	—	—
11. бубенчик	88	0,06	3,5	8	0,015	0,06	0,01	0,3	0,008	0,02
12. бубенчик	72	0,1	16	4	3	2,5	0,6	0,01	0,15	0,01

ЗВАГЕЛЬСКИЙ В. Б.
(Сумы)

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ИСТОРИИ УКРАИНЫ Н. МАКАРЕНКО
(ШТРИХИ К БИОГРАФИИ УЧЕНОГО)

Среди украинских ученых, занимавшихся изучением прошлого нашей Родины, особое место принадлежит выдающемуся исследователю, археологу и историку, искусствоведу профессору Николаю Емельяновичу Макаренко (4. II. 1877. с. Москалевка Роменского уезда Сумской области — 1936 — 1937(?)).

Макаренко принадлежал к тому типу ученых, которые не ограничивали круг своей деятельности узкими проблемами. Он был в равной степени профессионален, исследуя произведения живописи и архитектуры, декоративно-прикладного искусства и деревянного зодчества, археологические памятники античного периода и киеворусские, неолита и черняховской культуры.

Получив солидное базовое образование (Центральное училище технического рисования А. Л. Штиглица и петербургский Археологический институт), в 1902 г. Макаренко переходит на работу в Эрмитаж, где, занимая различные должности, проработал до 1919 г. Именно на это время приходится становление и формирование Макаренко как ученого, в чем значительную роль сыграли Н. Н. Рерих и А. А. Спицын.

Первые самостоятельные раскопки, очевидно, были произведены Макаренко в 1901 г. на Роменщине, где он исследовал памятники, позже получившие название роменских. Тогда же им были начаты раскопки городища Моностырище, к которым он возвращался и в 1906, 1907, 1920, 1924 гг.

В 1902 г. он производит раскопки курганов Верхнего Поволжья.

В 1903—1904(?) — раскопки кургана у поселка Красногорский в окрестностях Оренбурга.

В 1905—1907 гг. Макаренко продолжает археологическое обследование памятников в Полтавской, Харьковской, Сумской, Воронежской областях, на Черниговщине и Черкасщине. Его отчеты за эти годы не сухие протокольные свидетельства о проделанной работе, а фактически отдельные статьи, в которых открытый археологический материал представлен в широком контексте с привлечением данных письменности, искусствоведения, географии, геологии. Постоянно используя при этом сопоставительный метод, Макаренко достигает в отчетах глубокой аргументации, аналитичности, и на основе этого, часто приходит к неожиданным выводам, реконструкциям, моделированиям.

В 1907 г. раскапывает курганы на Среднем Поднепровье, в районе Новомосковска и Запорожья.

В 1908 — исследование Маяцкого городища, пещерного монастырского комплекса Дивногорье, курганов в их окрестностях. В 1909 г. эта работа

была продолжена, в итоге получен уникальный материал по Маяцкому городищу. Именно в исследовании Маяцкого городища ярко видна эрудиция ученого в различных областях знаний — дан развернутый анализ техники строительства, надписей, рисунков, знаков, функциональности городища и т. д.

В 1910 г. совместно с Н. Н. и Б. Н. Рерихами производит раскопки в Новгороде.

В 1914 г. «Общество поощрения художеств» командировало его в Германию с целью изучения музейного дела и рисования памятников искусства.

В 1917 г. Российская Академия Наук, с аналогичной целью, командировала Макаренко в Турцию.

В 1919 г. ученый переезжает в Киев. Исследует городище у села Ведмежьего на Роменщине.

В 1920 г. раскопки Монастырища. Макаренко назначают директором Киевского музея Западного и Восточного искусства. На этом посту он проработал до 1925 г. в 1920—1921 гг. становится членом Комитета охраны памятников старины и искусства, председателем секции искусства Украинского научного товарищества.

В 1923—1924 гг. производит архитектурно-археологическое обследование Спасо-Преображенского собора в Чернигове.

В 1924 г. производит широкомасштабные работы на городище Монастырище, раскопки в округе Ромен (с. Гаевщина). Его избирают действительным членом Всеукраинского Археологического комитета, членом Реставрационной комиссии.

В 1925 г. исследует поселение трипольской культуры у с. Халепье Киевской области. В 1925—1926 гг. продолжает раскопки Халепья и трипольского поселения Евминка на севере Среднего Поднепровья.

В 1926 г. — раскопки в Ольвии. Макаренко назначается заместителем Б. В. Фармаковского в этой одной из самых крупных экспедиций довоенного времени.

Осенью 1927 г. Макаренко делегат II конференции археологов СССР, посвященной 100-летию археологического исследования Херсонеса.

В 1929 г. входит в состав Комиссии истории Киева. Раскопки и расчистки на Сумщине (х. Зеленый Гай).

В 1930—1931 — раскопки уникального Мариупольского могильника.

В 1934—1936(?) гг. — работа в Казанском университете.

Кроме археологии Макаренко на протяжении всей жизни занимался исследованием памятников архитектуры и искусства. При этом, высокий профессионализм в первом, удачно сочетался с глубокими знаниями и талантом художника во втором, что особенно ярко проявилось при исследовании Дивногорского монастыря, фрески Святой Феклы, фресок церкви Святого Михаила в Остре, Спасо-Преображенского собора в Чернигове. Кроме того, Макаренко автор нескольких десятков статей по истории искусства и чисто искусствоведческого характера. Это статьи об орнаментации украин-

ской книжки, об истории гравюры на Украине, о скульптуре, резьбе, стекле, металле домонгольского периода. Несколько статей посвящено запорожской старине.

Богатейшее научное наследие ученого, к сожалению, фактически не изучено и не систематизировано. Многие из его работ не утратили актуальности и стали библиографической редкостью. Думается, настало время в переиздании хотя бы отдельных статей Н. Е. Макаренко. Необходимость этого очевидна.

БИБЛИОГРАФИЯ ОСНОВНЫХ РАБОТ Н. Е. МАКАРЕНКО

1. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г. // Известия Археологической комиссии, — Спб. 1906. вып. 19-С, 117—156.
2. Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г. // Там же. — 1907, — вып. 22. — С, 38—90.
3. Археологические исследования 1907—1909 годов // Там же. — 1911, вып. 43.—1. 1—130.
4. Материалы по археологии Полтавской губернии. — Труды Полтавской ученой архивной комиссии — Полтава. — 1908. вып. 5.
5. Материалы по истории гравюры на Украине. // Искусство в Южной России. — Киев, — 1914, № 5—6.
6. Древнейший памятник искусства Переяславского княжества. // Сборник статей в честь гр. П. С. Уваровой. — Москва, — 1916, — с. 373—404.
7. Городища и курганы Полтавской губернии (Сборник топографических сведений) — Полтава, ПУАК, 1917.
8. Найдавніша стінопись княжої України // «Україна» 1924, кн. 1—2, — 1, 7—13.
9. Дослідди над Чернігівським Спасом. Коротке повідомлення. // Записки Історико-філологічного відділу Всеукраїнської Академії наук. — 1924, — кн. IV. — с. 240—244.
10. Городище «Монастирище» // Науковий збірник за рік 1924. — Київ, 1925.
11. Халеп'я // Коротке повідомлення Всеукраїнського археологічного комітету за 1925 р. — К, 1926, — с. 33—50.
12. Дослідди на Остерщині. Євмінка // Там же, — С. 61—66.
13. Євмінка // Там же, за 1926 р. К, 1927, с. 84—87.
14. Етюди з обсягу трипільської культури // Трипільська культура на Україні, — К, 1926, вип. 1—С. 165—186.
15. Біля Чернігівського Спаса // Археологічні дослідди року 1923 // Чернігів і північне лівобережжя, К, 1928, с. 184—196.

16. Борзенські емалі і старі емалі України взагалі // Там же, С. 80—100.
17. Чернігівський Спас.—К, 1929,—с. 1—80.
18. Ніженська фібула // Ювілейний збірник на пошану академіка М. Є. Грушевського. Збірник історико-філологічного відділу, № 76,—К, 1928, с. 31—43).
19. Скульптура и різьбярство Київської Русі передмонгольських часів— // Київські збірники історії і археології, побуту й мистецтва.—К, 1930, с. 28—96.
20. Малоазійська миска в Києві (X—XII вв.). // Там же, С. 97—110.
21. Маріупільський могильник.—К,—1933—148 с.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕРГИН В. Я. (Москва). Об охране памятников археологии.	3
БЕРЕСТНЕВ С. И. (Харьков). Актуальные задачи охраны археологических памятников в Украинской ССР.	5
КРЫГАНОВ А. В. (Харьков). Охрана и исследование памятников археологии в системе внешкольного обучения и воспитания учащихся.	7
РАДЬКО А. В. (Сумы). Работа секции археологии дворца пионеров и школьников г. Сумы.	9
ГОРБОВЦОВ А. П. (с. Уланово Глуховского района). Вопросы охраны и пропаганды археологических памятников в школе.	11
ПИСКУН В. Н. (Сумы). Использование памятников археологии в краеведческой работе в школе.	13
КУРИЛЕНКО В. Е. (с. Мезин Черниговская обл.). Памятники археологии на стыке Черниговской и Сумской областей у с. Мезин.	15
МИЛОВАНОВА Н. А. (Сумы). К вопросу о существовании палеолита на территории Сумской области.	17
СУПРУНЕНКО А. Б. (Полтава). Археологические изыскания и собрание Г. С. Кирьякова.	19
КУЛАТОВА И. Н. (Полтава). Материалы по археологии Сумщины в собрании Полтавского краеведческого музея.	22
ПОБОЖИЙ С. И. (Сумы). XII археологический съезд в Харькове (1902 г.) в его отношении к изучению вопросов археологии и искусства Слобожанщины.	24
ТЕЛЕГИН Д. Я. (Киев). Финно-Угорские гидронимы в Поднепровье и их археологическая интерпретация.	26
НЕПРИНА В. И. (Киев). Изучение неолита на Сумщине.	29
ТИТОВА Е. Н. (Киев). Новые данные к этнокультурной карте неолита — эпохи бронзы среднего Подесенья.	31
КОЕН В. Ю. (Киев). Новые исследования неолитического поселения Погореловка — Вырчище на Сумщине.	33
ИЕВЛЕВ М. М., СЕРДЮКОВА И. Л. (Киев). К вопросу о причинах проникновения катакомбных племен в лесостепное Поднепровье.	36
ВОЛОВИК С. И. (Харьков). Новые итоги раскопок поселения Лысый Горб в бассейне Северского Донца.	38
БУЙНОВ Ю. В. (Харьков). О происхождении бондарихинской культуры позднего бронзового века.	40
ШРАМКО Б. А. (Харьков). Куземинская пристань и торговые связи жителей Бельского городища.	42
МОРУЖЕНКО А. А. (Донецк). Исследование памятников скифского времени на территории Сумщины.	44

ШЕКУН А. В. (Чернигов). Курганы Посульской группы на территории Черниговщины.	46
КОСИКОВ В. А. (Донецк). Художественные бронзы скифского времени из курганов у с. Аксютинцы.	48
ПУЗИКОВА А. И. (Москва). Итоги археологических исследований на территории Курской области.	50
ГАВРИШ П. А. (Полтава). К вопросу об изучении памятников скифского времени в бассейне Псла.	52
ТЕРПИЛОВСКИЙ Р. В. (Киев). Новые исследования памятников первой половины I тыс. н. э. в Сумской обл.	54
НЕКРАСОВА А. Н. (Киев) Охранные раскопки на памятниках черняховской культуры у с. Боромля.	56
РОМАНОВА Г. А. (Ленинград). Черняховские поселения у с. Артюховка.	58
ЖУРКО А. И. (Сумы). Археологические разведки и раскопки на Сумщине в 1986—1988 гг.	61
ПОКАС П. М., РУДИН Т. А. (Киев). Население территории Сумщины в IV—VI веках по данным палеоантропологии.	63
ЮРЕНКО С. П. (Киев). Топография, планировка и домостроительство поселения близ с. Воынцево.	64
КАШКИН А. В., УЗЯНОВ А. А. (Москва). Северо-восточный рубеж Посеймья.	66
ГРИГОРЬЕВ А. В. (Москва). Некоторые тенденции в развитии погребального обряда северян VIII — нач. XI вв.	68
КУЗА В. А. (Москва). Некоторые уточнения в стратиграфии большого Горнальского городища.	70
БЕЛИНСКАЯ Л. И. (Сумы). К вопросу о связях славян и племен салтовской культуры в лесостепном Днепровском Левобережье в VIII—X вв.	73
ПЕНЯК П. С. (Киев). О ремесленном производстве на славянских поселениях Днепровского Левобережья.	76
СУХОБОКОВ О. В. (Киев). Работы Левобережной славяно-русской экспедиции ИА АН УССР в Сумской области (1968—1988).	78
МОЦЯ А. П. (Киев). Погребальные памятники VIII—XIII веков в междуречье Десны и Ворсклы.	81
ПРИЙМАК В. В. (Сумы). Древнерусский город Вырь и его округа.	83
КОВАЛЕНКО В. П. (Чернигов). Чернигово-Северская земля и введение христианства.	84
КАЗАКОВ А. Л. (Чернигов). О локальных группах погребений Черниговского некрополя.	86

ВЕРЕМЕЙЧИК Е. М. (Чернигов). К вопросу о дегтярном и смолокурном промыслах на древнерусских селищах Черниговщины.	88
МУДРИЦКИЙ Г. А. (Чернигов). Металлографическое изучение кузнечной продукции XI—XIII вв. из раскопок Чернигова.	89
ПОТАПОВ В. А. (Чернигов). К вопросу об охоте в X—XIII вв. (По материалам из памятников Южной Руси).	91
СЫТЫЙ Ю. Н. (Чернигов). К изучению сельских поселений Задесенья.	93
ПРОШКИН О. Л. (Калуга). Смолинские курганы.	95
ПУЦКО В. Г. (Калуга). Некоторые вопросы археологического изучения Глухова.	96
ВИНОГРАДСКАЯ Л. И. (Киев). Археологические материалы позднесредневекового Путивля.	98
ОРЛОВ Р. С. (Киев). Химический состав украшений Битицкого клада 1984 года.	100
ЗВАГЕЛЬСКИЙ В. Б. (Сумы). Исследователь истории Украины Н. Макаренко (штрихи к биографии ученого).	102

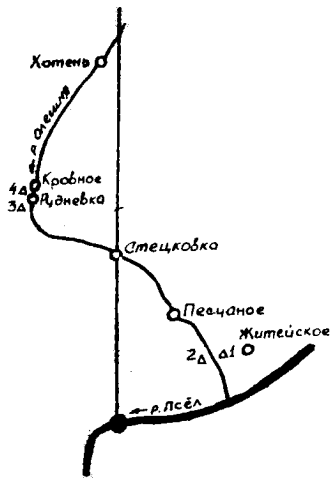

Схема I

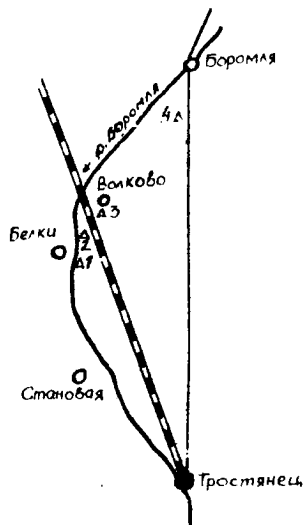
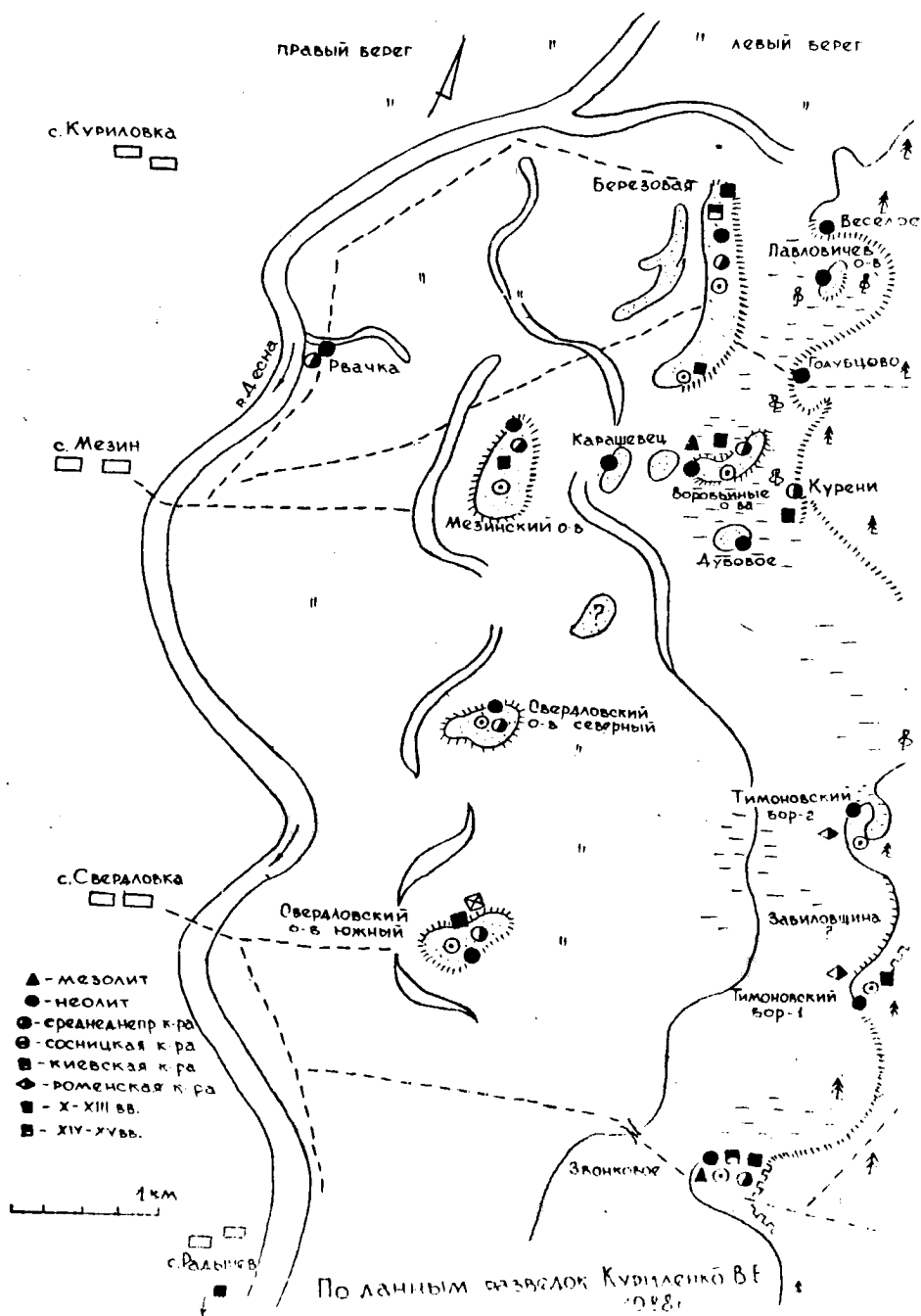
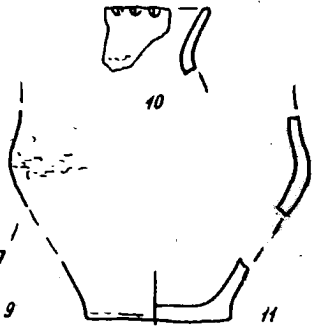
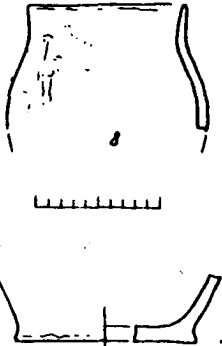
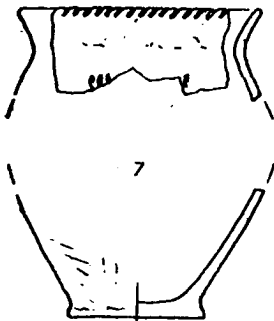
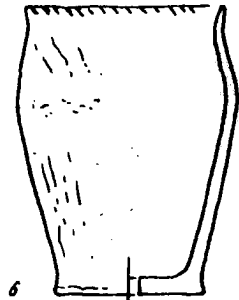
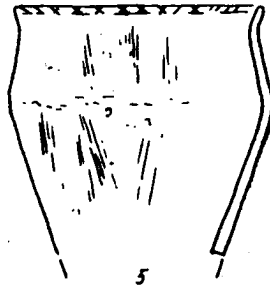
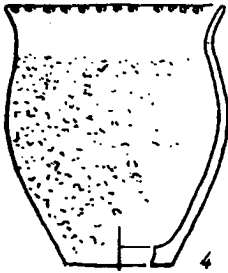
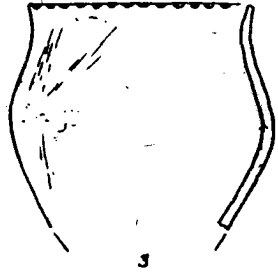
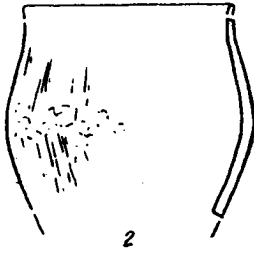
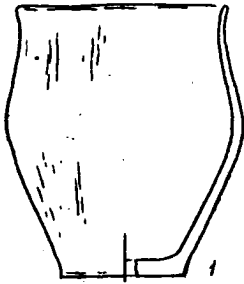
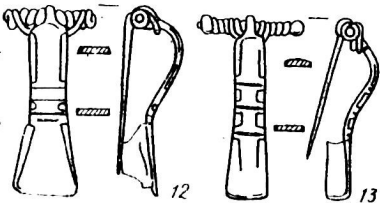
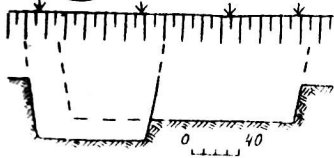
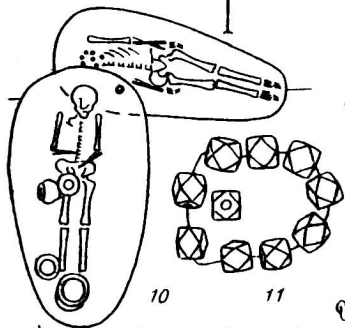
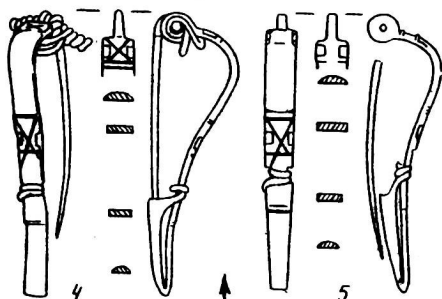
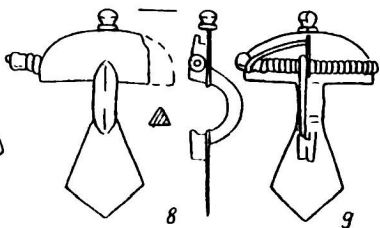
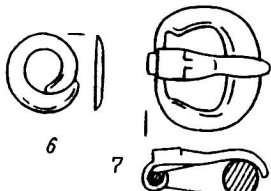
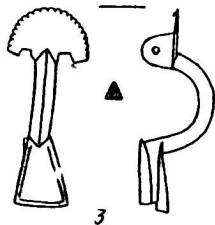
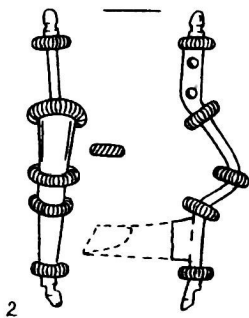
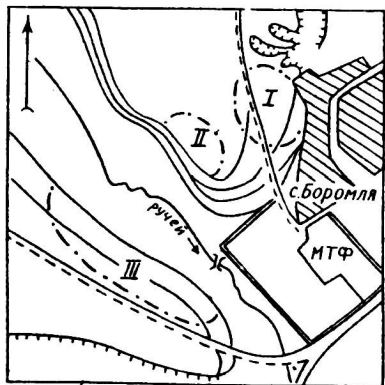

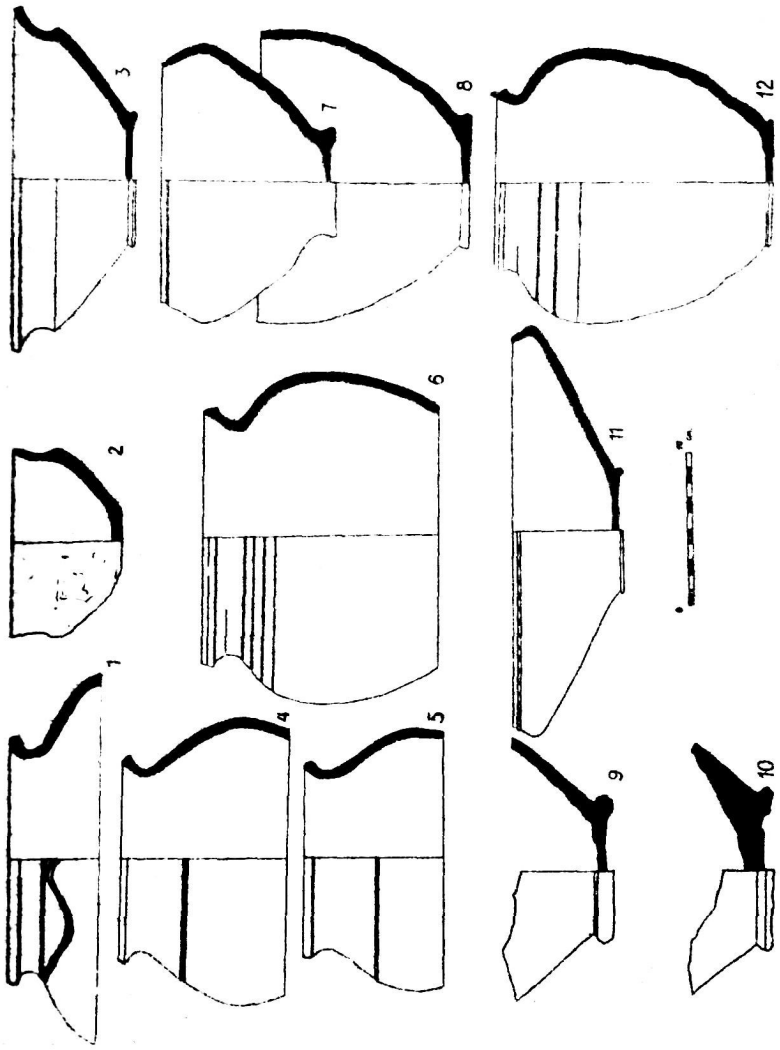
Схема II

- - реки
- - асфальтовые дороги
- - железные дороги
- - населенные пункты

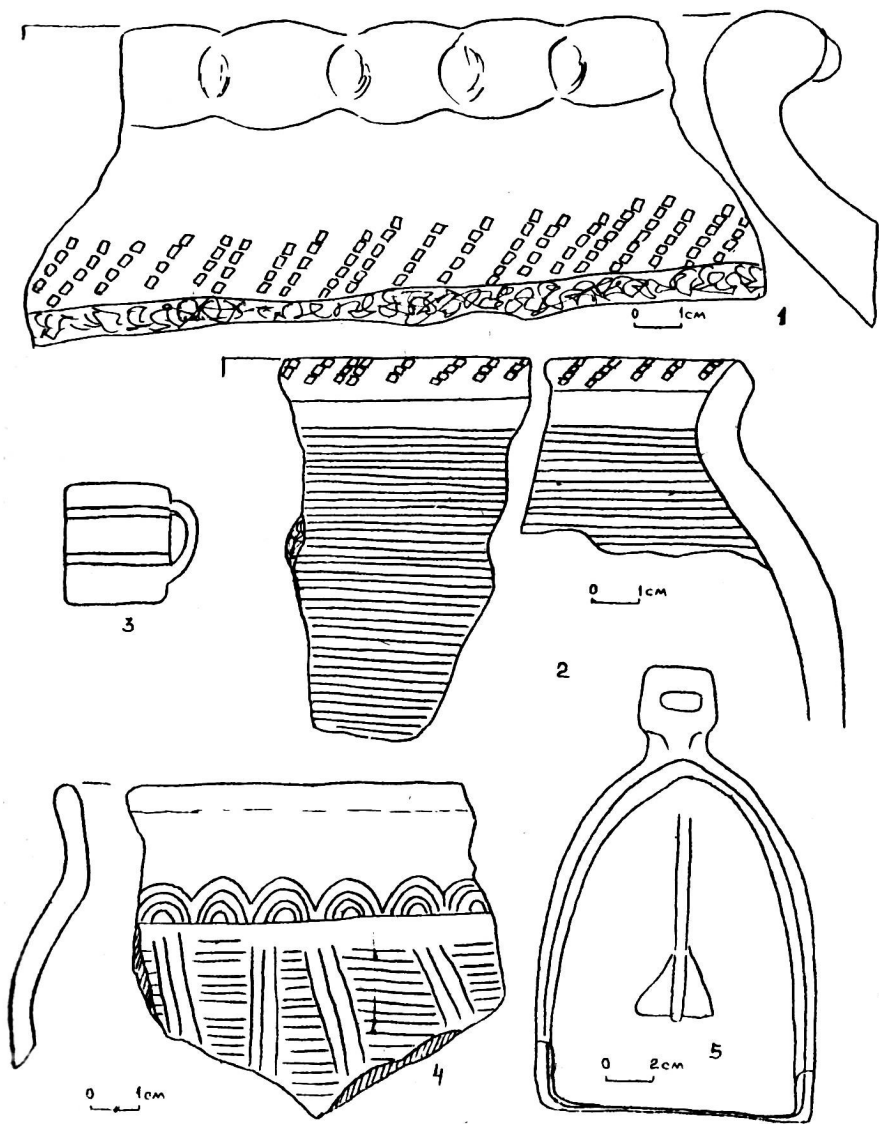
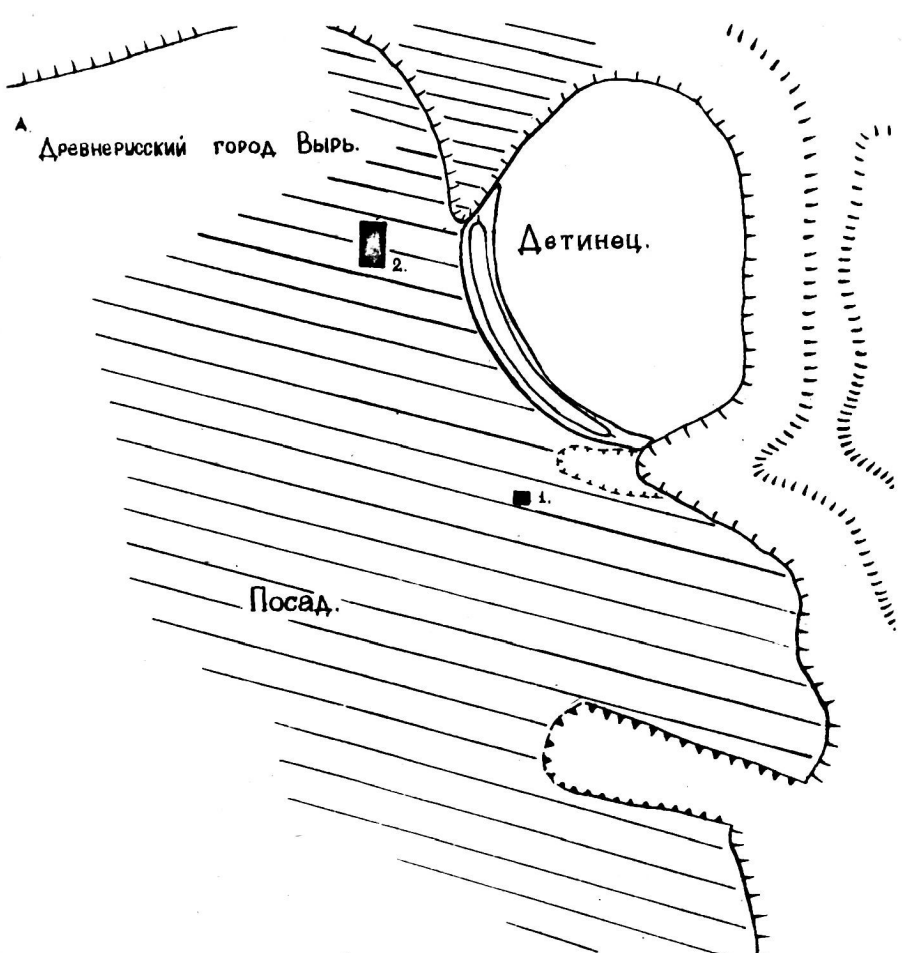

Рис. 1 1-2-с Токари
 3-с Волинцево, Стан
 4-с Волинцево, Курган
 5-с. М. Чернотчина

Условные обозначения:

А. план древнерусского города Вырь

Б. детинец Выря /по В.А. Богусевичу/

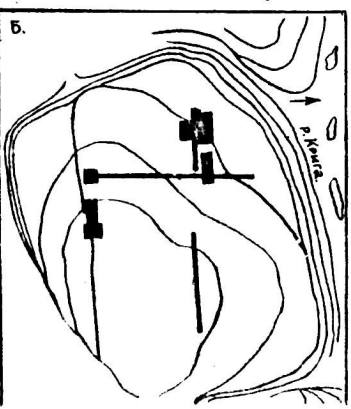
склон; обрыв

реконструируемые склоны и обрывы

установленные пределы посада

раскопки I-1985 г. 2-1967 г.

укрепления детинца

**Сумский
краеведческий
музей**

